

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Военно-инженерный институт
Цикл лингвистического и информационного обеспечения
45.05.01 «Перевод и переводоведение»

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯиПЛ
_____ А. В. Колмогорова

«_____» _____ 2019 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

**ВЛИЯНИЕ НАРРАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ
ТЕКСТА ОРИГИНАЛА И ТЕКСТА ПЕРЕВОДА НА
ВЫБОР ПРАГМАТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА
В КОНТЕКСТЕ МЕДИАТИЗАЦИИ СОБЫТИЯ
ВОЕННОЙ ИСТОРИИ**

Выпускник

Д.А. Карзов

Научный руководитель

док. филол. наук,
проф. А.В. Колмогорова

Нормоконтролер

В.В. Ефимова

Красноярск 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. МЕДИАТИЗАЦИЯ СОБЫТИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА	7
1.1. Понятие медиатизации	7
1.2. Медиатизация применительно к различным социальным объектам: к истории вопроса	10
1.3. Медиатизация события военной истории: Русский экспедиционный корпус во Франции	22
1.4. Методы (стратегии) прагматической адаптации текста	25
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	35
ГЛАВА 2. АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ П. МАЛИНОВСКОГО И ИХ ПЕРЕВОДА	37
2.1. Нарративный анализ по Ж. Греймасу	37
2.2. Влияние нарративной структуры текста на выбор прагматических методов (стратегий) адаптации текста.....	49
2.3. Анализ переводческих решений и их корреляций с различиями в нарративной актантной структуре, свойственной российским СМИ и используемой П. Малиновским	76
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	79
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	81
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	84
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА И ИХ СОКРАЩЕНИЙ	89

ВВЕДЕНИЕ

Современные средства массовой информации активно принимают участие в жизни общества и каждого человека и, без сомнений, имеют определенное влияние на мнения и оценки социума. Переводческая сфера в последние годы оказывается активно включена в медиапроцессы. При переводе статей или интервью переводчик выступает как медиатор, который часто находится в контексте заданных идеологических установок и норм, доминирующих в обществе в актуальный момент времени. В данном исследовании мы, прежде всего, затронем понятие «медиатизация», которое будем использовать в лингвистическом аспекте нарративного анализа.

Актуальность данного исследования заключается в том, что учет различий в нарративной структуре традиций повествования о событии, складывающихся в разных обществах и контекстах, помогает выявить причины использования тех или иных прагматических стратегий при переводе текста, а также объяснить причины конфликта исходного текста и текста перевода.

С точки зрения переводческой деятельности, исследование в данной области поможет лучше распознавать некоторые неточности при переводе и тем самым улучшить качество перевода.

Объектом данной работы выступают прагматические расхождения между текстом оригинала и текстом перевода в контексте медиатизации события военной истории, а **предметом** – отличия в глубинной структуре нарратива о событии военной истории в двух медиапространствах – французском и русском – как причина прагматических расхождений между текстом оригинала и текстом перевода (внутреннего конфликта оригинала и перевода).

Цель данного исследования заключается в том, чтобы продемонстрировать, что отличия в глубинной структуре нарратива о событии военной истории в двух медиапространствах – французском и

русском – являются причиной прагматических расхождений между текстом оригинала и текстом перевода.

Для достижения данной цели были сформированы следующие *задачи*:

1) изучить понятие медиатизации в западной и отечественной лингвистике;

2) рассмотреть, как именно влияет медиатизация на различные социальные объекты: память, историческое событие, человек;

3) рассмотреть отдельное историческое событие (Русский экспедиционный корпус во Франции) и то, как именно его репрезентируют в СМИ;

4) изучить прагматические аспекты перевода, рассмотреть различные классификации методов (стратегий) прагматической адаптации текста;

5) выявить различия в исходном тексте и тексте перевода с помощью нарративного анализа по Ж. Греймасу;

6) провести сопоставительный анализ исходного текста и текста перевода с последующим выявлением расхождений и неточностей в передаче прагматической информации и объяснением их причин на основе выводов, сделанных в ходе сопоставления двух нарративных схем – в повествовании об истории Русского экспедиционного корпуса, воспроизводимом российскими СМИ, с одной стороны, и в повествовании о том же событии, используемом французским археологом и историком П. Малиновским, – с другой.

Поставленная цель и задачи определили использование следующих *методов*:

1) метод сплошной выборки;

2) метод нарративного анализа;

3) сопоставительный метод;

4) метод качественно-количественного анализа, заключающийся в определении процентного соотношения использования методов (стратегий) прагматической адаптации текста, а также случаев конфликта исходного

текста и текста перевода при несовпадении одного из элементов нарративной структуры текста, встретившихся в процессе проведения данного исследования.

Практическая ценность данной работы заключается в том, что материалы данного исследования могут быть использованы в рамках учебных курсов по теории и практике перевода для выявления неточностей перевода и логических ошибок, допущенных студентами.

Материалом данного исследования послужили битексты интервью, данных господином П. Малиновским изданиям «Международная жизнь» и «Новороссия», статьи российских СМИ на французском языке информационного агентства «Russia Beyond» и их перевод общим объемом в 78 страниц, а также видеоинтервью, данные новостным канал «Sputnik» и «Pravda», общим объемом в 26 минут.

Основной **теоретико-методологической базой** нашего исследования послужили труды российских и зарубежных ученых, таких как D.L. Altheide, M. Deuze, Л.С. Бархударов, И.В. Рогозина и др.

Дипломная работа общим объемом в 90 страниц состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, включающего в себя 60 наименований, и списка источников иллюстративного материала и их сокращений, включающего в себя 10 наименований.

Во **введении** обосновывается выбор темы исследования, ее актуальность, указывается объект и предмет исследования, определяются цель и задачи работы, ее общая методика и практическая значимость, очерчивается теоретико-методологическая база, приводятся данные о структуре исследования.

В **первой главе** рассматриваются основные теоретические положения, касающиеся понятия медиатизации, ее влияния на различные социальные объекты, а также несколько классификаций методов (стратегий) прагматической адаптации текста.

Во *второй главе* проведен нарративный анализ по Ж. Греймасу масс-медийных текстов, освещающих события, связанные с судьбой Русского экспедиционного корпуса, позволивший в дальнейшем объяснить различия между исходным текстом и текстом перевода конфликтом между элементами нарратива двух субъектов повествования.

В *заключении* обобщаются результаты проведенного анализа, их соотношение с общей целью и конкретными задачами, поставленными во введении, и намечаются перспективы дальнейшего изучения рассматриваемых в работе проблем.

Результаты данной работы были апробированы в рамках международной научно-практической конференции «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека», проходившей 23 – 24 апреля 2019 г. на базе ИФиЯК СФУ. Работа была представлена в подсекции № 1 («Актуальные проблемы теории романских языков и компьютерной лингвистики»).

ГЛАВА 1. МЕДИАТИЗАЦИЯ СОБЫТИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

1.1. Понятие медиатизации

Понятие медиатизации неразрывно связано с понятием журналистики, так как она является центральной фигурой в данном явлении. В западной парадигме исследований журналистика рассматривается как «полифоническая, социодискурсивная практика» [Deuze, 2003: 206]. Основываясь на этом, М. Дёзе считает возможным говорить о «журналистике», которые различаются по статусу, нормам и практике. Одна из жестко оспариваемых пограничных областей – та, где новостные медиа затрагивают «разговорную паутину» [Domingo, 2014: 311] блогов, вики, форумов и социальных медиа, таких как Twitter, Facebook и YouTube. Однако, «разговорная паутина» открывает новостной дискурс другому языку, вариациям языка. Твиты теперь рассматриваются как достоверные источники новостей. Большинство из них – прямые цитаты – дают возможность отразить общественное беспокойство, опыт, мнения словами представителей разных групп. Комментарии читателей на самих новостных сайтах или в Facebook на странице новостных медиа делают разговорный язык более заметным, поскольку пользователи могут не соблюдать некоторые правила этики, тогда как журналисты считают это неприемлемым.

Т. Ван Хоут и П. Бергер полагают, что подобная «гибридная форма коммуникации», где смешиваются профессиональное и персональное (блоги журналистов на корпоративном сайте или в Twitter аккаунте), может рассматриваться как медиатизация. «Это меняет, по крайней мере, потенциально, отношения между журналистом и аудиторией, природу новостных организаций и знаний, которые они генерируют» [Hout, 2015: 12].

Впервые термин «медиатизация» был применен английским социологом и исследователем Дж. Б. Томпсоном для обозначения роли медиа «как институционально организованных структур, транслирующих не просто

информацию, но образцы культуры, формирующие современное общество на протяжении последних веков» [Thompson, 1995: 193].

Н. Коулдри считает, что медиатизация – «постоянное последовательное преобразование социальной и культурной жизни посредством медиа» [Couldry, 2008: 376].

Необходимо также отметить, что терминологически понятие «медиатизации» зачастую отождествляют со схожими по звучанию понятиями «медиазации» и «медиатации». Подобные термины, которых в условиях развития медиа сегодня огромное множество, – «медиация», «медиатизация», «медиазация» и «медиализация» порождают многочисленные дискуссии и разнообразные интерпретации в связи с языковыми различиями исследователей и спецификой конкретного перевода. Тем не менее, несмотря на различия интерпретаций и некоторых трудностей перевода, основной тенденцией в определении понятия «медиатизации» является акцент на действие, на процессуальный характер медиакommunikаций. Этот тренд четко просматривается и в названиях зарубежных научно-исследовательских работ. Как отмечает британский исследователь Соня Ливингстон [Livingston, 2008: 7]: «Если более десяти лет назад книги по этой теме имели типичные названия вроде “Mass Media and Society” или “Television and the public sphere”, то сейчас мы имеем “Mediated...”, с акцентом на глагольную форму: “The Mediation of Power”, “Mediating the Nation”, “Mediating the Family”, “Mediated Politics”, “Mediated Sex”. Эти англоязычные конструкции не так просто перевести на русский язык без потери некоторых смысловых ударений с учетом того, что “mediated” (опосредованный) для некоторых авторов не синоним “mediatized” (медиатизированный), и различие здесь может быть принципиальным».

Что касается отечественных исследований, то понятие медиатизации впервые встречается в 1991 г. в работе Т.В. Андриановой и А.И. Ракитова. С тех пор было высказано немало мнений о роли и значении данного процесса,

начиная от идеи институционального посредничества и «медиатизации общества» как «особого рода социального пространства» у Д.И. Шаронова [Шаронов, 2008: 235] до революционного характера изменений в виде мощного манипулятивного воздействия на сознание общества у Л.М. Земляновой [Землянова, 2002: 88]. В отечественной литературе все чаще появляются попытки концептуализации данного термина. Например, Н.Б. Кириллова убеждена, что все смысловое богатство «медийности» как важнейшей категории современного образа жизни не может быть втиснуто в узкую схему банального посредничества. «Перед нами транслирующий канал, построенный на идеологических, эмоциональных и даже подсознательных ожиданиях аудитории... Медиа – это не просто средство для передачи информации, это целая среда, в которой производятся, эстетизируются и транслируются культурные коды. Посредником между адресатом и адресантом может выступать некое медиа, обладающее популярностью и публичным авторитетом у публики. Речь идет о технологиях (т. е. обеспеченных отлаженным механизмом “серийного производства” процессах), позволяющих формировать общественное мнение и жизненную позицию публики. Собственно, аудиовизуальная культура и есть одно из звеньев такого рода технологий конвертирования капиталов. Естественно, в достижении глобального результата заинтересованы те, кто контролирует всю эту цепочку в целом, либо те, кто владеет пространством медиа» [Кириллова, 2006: 27].

И.В. Рогозина дает такое определение медиатизации: «Это процесс и результат глобального воздействия на мышление индивидов при помощи различных медиа, выражающегося в формировании картины мира посредством специфических медийных когнитивов...» [Рогозина, 2003: 121].

Современная трактовка понятия медиатизации в отечественной лингвистике в целом сводится к интеграции медиа в различные сферы жизни общества, формирование единой культурно-коммуникационной системы социума. Являясь одним из основных сегментов культуры эпохи

информатизации, «информационная культура как бы пронизывает все остальные культурные фрагменты, функционирование которых невозможно вне зависимости от информационной культуры» [Пронина, 2008: 8].

В ходе анализа зарубежных и отечественных медиаисследований представляется наиболее верным понимать медиатизацию как двусторонний процесс, в рамках которого медиа и различные сферы общественной и культурной жизни оказывают определяющее и формирующее взаимное влияние друг на друга. Этот процесс внедрения медиа в современную жизнь и постоянного усиления их взаимовлияния и называется медиатизацией. Таким образом, явления, происходящие в языке СМИ, напрямую связаны с медиа эффектами. Медиатизация – это не просто диалог с аудиторией, это – динамика развития ситуации от производства и передачи информации, ее интерпретации или восприятия, до повторного распространения, поскольку интерпретации приводят к производству новых текстов и, как следствие, отражают изменения в социальной и культурной жизни.

1.2. Медиатизация применительно к различным социальным объектам: к истории вопроса

Современные медиа перестали быть только технологической площадкой, став полноценным институтом, который активно влияет на социальную жизнь и другие институты общества. Включенность медиа в повседневную реальность столь велика, что многие социальные процессы уже невозможно рассматривать без медиальной компоненты, что подтверждает статус современного общества как медиатизированного. Современный социум пронизан бесчисленным количеством опосредованных коммуникаций и наполнен бесконечным количеством смыслов, которые постоянно, ежесекундно иницируют медиа.

Нами предпринята попытка доказать влияние социальных медиа на системный процесс медиатизации современного общества, а также

продемонстрировать их важную роль в трансформации многих общественных институтов. Изучение феномена социальных медиа и процессов медиатизации позволит сформировать эффективные механизмы построения информационного общества с точки зрения социального обеспечения, а не только технического или инфраструктурного [Дукин, 2008: 25].

Медиатизация охватила разные сферы. Социологи, правоведы говорят о «медиатизации общества» как становлении социума особого типа. Медиатизация политики – это подчинение политики внутренним законам функционирования масс-медиа, процесс, при котором политическая жизнь перемещается в символическое пространство средств массовой информации [Засурский, 1999: 46]. Специалисты рассматривают особенности медиатизации информационной сферы – рост производства и использования информационных продуктов и услуг, сочетающих разные типы и виды информации (А.И. Каптерев, О.В. Шлыкова), сферы культуры (Н.Б. Кириллова, А.В. Лебедев, И.А. Негодаев, Л.Я. Ноль, Л.В. Нургалева, И.В. Розина, Д.Д. Хан-Магомедов и др.). Большое внимание уделяется вопросам медиатизации сферы образования и воспитания (Т.Г. Добросклонская, А.А. Новикова, Е.А. Столбникова, А.В. Федоров, С.С. Федорцова, Н.Ф. Хилько, И.В. Чельшева и др.) [Агеева, 2012: 68].

Масштабный междисциплинарный интерес к памяти, характерный для научного дискурса последних десятилетий, неслучаен. Память является одной из важнейших черт ментальности, отличающей конкретное общество от других. Она не только накапливает конкретные образы прошлого и имеющийся опыт, но и обеспечивает через сложившуюся систему символов передачу накопленных знаний и выработанного к ним отношения. Общество мобилизует память и реконструирует прошлое, чтобы обеспечить функционирование в настоящем, прогнозировать будущее. С социальной памятью неразрывно соседствует память индивидуальной жизни. Индивидуальное прошлое предоставляет возможность реконструкции

макроистории через совокупность разных по степени полноты, достоверности и информативности личных документов. Основное внимание уделено медиатизации памяти в ее виртуальном преломлении, а именно блогам и социальным сетям – медиаресурсам, в мемориальном контексте пока еще не вызвавшим активного исследовательского интереса.

В русскоязычном секторе Интернета присутствует множество ресурсов мемуарного и ностальгического характера. Популярны социальные сети общего назначения (Одноклассники.ру, В Контакте, Мой Мир@mail.ru и т.д.), так и специализированные (Мой Круг, Профессионалы.ru и др.) имеют своей целью актуализацию старых связей, поиск и объединение людей, имеющих в том числе и общее прошлое. Не случайно здесь так много фотографий, музыки и иных артефактов, отсылающих к прошедшим событиям (в том числе и советского периода). Складывается особая среда, где происходит коллективное ностальгирование по ушедшей эпохе и ее мифологизация. Человеческой памяти свойственны осознанные и неосознанные ошибки. Сетевое пространство, с одной стороны, имеет механизмы, предотвращающие их возникновение (оперативность и относительная легкость получения данных о скрывающихся под никами очевидцах, не отягощенных обязательствами предоставления о себе исчерпывающих сведений). С другой – именно анонимность и практически полное отсутствие ответственности пользователей провоцируют появление и широкое распространение ложных данных. Тем не менее, изучение процессов виртуализации ностальгических настроений представляется на современном этапе значимым направлением *memory studies*. Большой интерес этот вопрос вызывает и у исследователей идентичности, поскольку конструирование и воспроизводство ее образов сегодня в основном осуществляется в пространстве медиакультуры [Агеева, 2012: 69].

С термином «медиатизации» соотносятся и другие, используемые сегодня в мемориальном контексте понятия: «спектакуляризация памяти», акцентирующее зрелищность разворачиваемых в открытом публичном

пространстве (особенно в Интернете) мемориальных проектов; «ностальгии медиума» и др. Социолог А. Зайцева дает такой комментарий на эту тему: «Происходит спектакуляризация активистского действия, вне зависимости от его форм: медиа, как тактические, так и мейстримные, становятся его обязательным репрезентантом и сопроизводителем. Можно сказать, что если акция не была заснята на видео, сфотографирована и немедленно выложена в Интернет, то ее и не было» [Зайцева, 2010: 54].

Современными медиа в значительной мере определяют и социально-культурные функции прошлого, формы его присутствия и трансляцию в настоящем, стереотипы. Даже противоречащие фактам истории смыслы и события с «медиаподачи» будут восприняты как реальные. Люди будут руководствоваться этими знаниями независимо от степени их соответствия действительности. Сетевые структуры, объединяющие представителей разных социально-профессиональных групп, формируют и концептуализируют локальную традицию, развивают отдельные ее практики, темы, популяризируют артефакты [Дукин, 2008: 59].

Также существуют и другие примеры медиатизации памяти, которые фигурируют на просторах сети Интернет. Например, кафедра общей теории словесности филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова совместно с Российским институтом культурологии запустила специальный междисциплинарный курс «Культурная память и текст», в котором помимо тематики обсуждений и ссылок на тексты, необходимые для прочтения, размещены аудиофайлы лекций ведущих ученых, разрабатывающих проблематику изучения памяти человека, в том числе и ее медиатизацию.

Есть и ресурсы, которые посвящены отдельным событиям истории, например, «Архив истории ГУЛАГа», который содержит в себе личные дела всех жертв репрессий того времени. Такие проекты хорошо отражают, насколько сильно поменялось представление о сталинских репрессиях, и какую роль сыграли в этом медиа.

В последнее десятилетие внимание ученых привлекают и вопросы ремедиатизации воспоминаний: особенности представления образов памяти различными типами носителей – от книги к визуальным и аудиовизуальным средствам, а также интернет-ресурсам. Изменяются не только медиаисточники, национальная традиция трансформируется в глобализационном контексте, жанр литературных мемуаров «перетекает» в новые формы, порожденные блогосферой. Все эти новации прослеживаются на уровне содержания памяти [Агеева, 2012: 70].

Что же касается медиатизации отдельных событий, то в последнее время все четче прослеживается медиатизация военных исторических событий, как средства пробуждения в российском социуме духа патриотизма и чувства общности. Все это происходит через медиа, которые выражены СМИ, сетью Интернет, радио и т. д. Действительно, медиасредства осуществляют одну из важнейших задач по сохранению и трансляции в массы ценностей культуры. Только благодаря СМИ мы имеем возможность, не выходя из дома, узнать не только о последних событиях, происходящих в мире или же посмотреть передачу про историческое прошлое России, но и побывать в театре и увидеть гениальную игру актеров, посмотреть документальный фильм о Великой Отечественной войне, или выступление спортсменов на олимпийских соревнованиях. Однако, в быту телевизор, через который транслируются многочисленные информационные каналы, многие называют «зомбоящик». Такое народное название пришло не случайно. По мнению А. Цуладзе «СМИ тоталитарны по своей природе, так как стремятся взять под свой контроль волю людей, их мысли и чувства, тем самым ограничивая свободу личности, поработывая ее» [Цуладзе, 2003: 224].

К тому же не случайно новостные передачи и некоторые каналы на российском телевидении отличаются особой катастрофичностью. «Нагнетание негативной атмосферы через телевидение приводит к подавленности и социальной пассивности зрителей. Телевидение, выплескивая на аудиторию потоки «чернухи», подавляет волю людей к

сопротивлению, критической оценке реальности» [Кириллова, 2006: 187]. После увиденного на телевизионном экране люди начинают воспринимать свою жизнь уже как нечто прекрасное и от этого их восприятие мира меняется в пользу того, кто это восприятие хотел поменять. В подобной ситуации уместно процитировать Чака Паланика, который написал следующие строки, отражающие его видение современного общества: «Большой Брат не следит за тобой. Большой Брат поет и пляшет. Достает белых кроликов из волшебной шляпы. Все время, пока ты не спишь, Большой Брат развлекает тебя, отвлекая внимание. Он делает все, чтобы не дать тебе время задуматься. Он делает все, чтобы тебя занять. Он делает все, чтобы твое воображение чахло и отмирало. Пока окончательно не отомрет. Превратиться в бесполезный придаток типа аппендикса. Большой Брат следит, чтобы ты не отвлекался на что-то серьезное. Но лучше бы он следил за тобой, потому что это значительно хуже – когда в тебя столько всего пихают. Когда столько всего происходит вокруг, тебе уже и не хочется думать самостоятельно. Ты уже не представляешь угрозы. Когда воображение атрофируется у всех, никому не захочется переделывать мир» [Паланик, 2007: 27]. Все это делается с целью превратить активного гражданина в потребителя, конечной целью которого являются отношения «покупатель-продавец».

Ярким примером влияния СМИ на жизнь людей могут служить новости, которые преподносят каналы или широко известные издательства. Существует великая разница между тем, какие новости получает, к примеру, гражданин США и гражданин Российской Федерации. Правительство обеих стран стараются показать отрывки новостей в выгодном для них свете, и никогда нельзя будет сказать наверняка, какая из новостей будет правдивой, не побывав на самом месте событий. Многие новости, касающиеся событий в странах, граничащих с США и Россией или являющихся союзниками или политическими оппонентами той или другой страны, всегда будут даваться через призму политики, так как в нынешнее время важно манипулировать

общественным мнением, чтобы иметь реальную власть в обществе. Именно таким образом, жители стран получают различные сведения о происходящих событиях в мире, так как правительство активно вмешивается в СМИ, используя их как инструмент управления обществом и ведя информационную войну с идеологическими противниками.

В подобном хаосе информации необходимой потребностью общества стало создание позитивной реальности, объясняющей все происходящие события, их правомерный и не случайный характер. Современное общество находится в поисках нового мифа. Можно отметить, что социальные мифы XX столетия стали основным средством порабощения личного и общественного сознания, механизмом манипулирования массами, которые легко соглашаются целиком и полностью включаться в структуры новых мифологий, продуцируемых либо в рамках различных утопий (коммунизм, нацизм и пр.), либо в рамках идеологий, оправдывающих легитимность устройства современной рыночной цивилизации [Козлова, 2015: 431].

Поскольку мифы некогда являлись неотъемлемой частью социума, то их также можно рассматривать как объекты медиатизации. Мирча Элиаде предлагает рассмотреть коммунистическую теорию Маркса, оставляя в стороне все вопросы философской обоснованности марксизма и его исторической судьбы. По мнению Элиаде, «Коммунистический манифест» – это ни что иное, как продолжение одного из величайших эсхатологических мифов Средиземноморья и Среднего Востока. На страдальческий пролетариат он возлагает миссионерскую функцию изменения онтологического статуса мира. «Фактически бесклассовое общество Маркса и последующее исчезновение всех исторических напряженностей находит наиболее точный прецедент в мифе о Золотом Веке, который согласно ряду учений, лежит в начале и в конце Истории. Маркс обогатил этот древний миф истинно мессианской иудео-христианской идеологией: с одной стороны, пророческой и спасительной ролью, которая приписывается пролетариату, и с другой – решающей битвой между Добром и Злом, заканчивающейся

решительной победой Добра, что вполне можно сравнить с апокалипсической борьбой между Христом и Антихристом» [Элиаде, 1996: 27]. Данная идеология легко легла на умы рабочих во время Великой октябрьской революции. Проводя аналогию с современным миром, в некоторых странах СМИ продолжают активно продвигать данные идеалы с целью манипулирования населением и внушения ему своих интересов.

В целом заполонившие все сферы жизни человека медиа представляют своего рода угрозу, поскольку представляют собой мнимую реализацию любых потребностей человека, замещают необходимость в общении, развлечениях, социальной активности, самовыражении и самореализации. Они создают видимость проблемы и уводят за собой массы, которые доверили решение своих возникших проблем. Чаще всего средства массовой информации отчуждают людей от личного опыта, суррогатно возмещают его, усиливают эмоциональную изоляцию людей друг от друга, от реальности и от самих себя [Козлова, 2015: 435].

Примером медиатизации события в истории могут служить многочисленные документальные фильмы о войне в Афганистане (1979-1989), а также о военных столкновениях в Чеченской республике (1994-1996, 1999-2009). Данные события активно освещались СМИ (Афганская война освещалась уже после событий), отчего в сознании людей они запечатлелись как самые кровавые и жестокие войны, которые СССР и Россия когда-либо вели после Великой отечественной войны. В случае с Афганской войной, большой вклад внёс кинематограф, нежели средства массовой информации, однако и его можно рассматривать как средство медиатизации общественного сознания. Так, можно проследить самые часто употребляющиеся фразы в фильмах, которые были сняты про этот промежуток времени: «1) Это была бессмысленная война; 2) Реки крови, горы трупов; 3) Наши необученные мальчишки умирали там ни за что; 4) Война калечит души и психику; «необученные пацаны», прошедшие Афган, становятся социально опасны, пьют-колются, медленно погибают, сходят с

ума...; 5) Для некоторых война была наживой; 6) Проклятия устроителям войны...» [Козлачков, 2010].

Действительно, любые военные операции несут за собой неопределённое количество жертв, однако, если опираться на сухие цифры, то за десять лет СССР потеряла в войне в Афганистане около 10 тысяч человек (ср. с США, которые потеряли во Вьетнаме за десять лет около 54 тысяч). По меркам такой огромной державы, как СССР, эти потери минимальные, однако у людей в памяти отразилась иная картина (это неразрывно связано с медиатизацией памяти, о которой говорилось выше), ведь то время считалось уже мирным, и никакой войны никто не ожидал. Данная война стала символом угнетения и бессмысленности, которые фильмы по тем событиям отлично показали.

Что же касается Чеченских войн, то здесь активное участие принимали СМИ. В то время, когда Россия совсем недавно стала отдельным государством после развала Советского Союза, средства массовой информации получили свободу и освещали каждое событие с особой скрупулезностью. События этих войн также понесли за собой не столь большое количество потерь, однако тогда, когда СМИ могли обзирать все, что угодно, и еще не было создано ограничений на уровне закона, СМИ старались «приукрасить» действительность, сделав чеченскую кампанию одной из самых страшных войн в истории современности. Если брать тот же кинематограф, то современное отечественное военное кино для широкой аудитории определенно имеет некоторое отношение к национальной идее. Оно служит развитию представлений, в которых отсутствует элемент («клей»), скрепляющий внутреннее поликультурное и полиэтничное пространство страны. Эта пропагандируемая идея содержит в себе как раз нечто противоположное, то, что Г. Зверева в одной из статей назвала феноменом «этнизации» постсоветского общества. Именно этот феномен играет сегодня важнейшую роль в процессе конструирования коллективной идентичности [Зверева, 2002]. Исследовательница справедливо отмечает

факт использования привычных национальных и этнокультурных стереотипов для создания публичного образа военного конфликта в Чечне (и шире – на Кавказе). В качестве примера она приводит фильм Алексея Балабанова «Война» (2002). В первом же эпизоде жестокого убийства пленных российских солдат чеченскими боевиками один из отрицательных персонажей в разговоре с главным героем (по сценарию – пленным-рабом) утверждает следующее: «Я потомок мюрида... Он сто пятьдесят лет ваших резал... Это моя земля, и я буду чистить ее от собак неверных, пока до Волгограда ни одного русского не останется...». Эта же тема – извечное противостояние и взаимное непонимание между «имперской» государственной машиной и «свободолюбивыми горцами» – присутствует и в других фильмах, посвященных чеченской войне: «Мужская работа» (2001, режиссер Т. Кеосаян), «Кавказский пленник» (1996, режиссер С. Бодров), «Блокпост» (1998, режиссер А. Рогожкин) и др [Чистякова, 2012].

Опыт медиатизации событий чеченской кампании при помощи киноэкрана можно отнести, как ни парадоксально, к «холодной» опции культурной памяти, которая призвана сопротивляться изменениям: она обращается ко всему регулярно повторяющемуся. Это довольно редкий случай в истории отечественного военного кино. Парадокс состоит в том, что, говоря о выполняемой «холодной» памятью консервативной функции поддержания и увековечивания существующего порядка вещей, имеется в виду наполнение актов воспоминания неуникальным позитивным содержанием. Настоящее регулярно подпитывается «хорошим» прошлым. В случае же чеченского конфликта это содержание носит выражено негативный (и тоже неуникальный) характер. Говоря об образах чеченской войны в продуктах массовой культуры, Г. Зверева употребляет термин «удревнение»: при конструировании образа войны делается акцент на ее «древних корнях» и производятся попытки обоснования ее «естественности». «“Этнизация” чеченской войны в продукции массовой культуры создает негативную тональность в российском обществе и автоматически переводит

ее в одномерную плоскость конфликта между “чеченцами” и “русскими» [Зверева, 2002]. Повторяющееся содержание культурной памяти в ее «холодной» разновидности могло бы звучать так: «кавказская война – это естественно для России».

Говоря о человеке, как об объекте медиатизации, можно утверждать, что главной целью является манипуляция его мнением и изменение его видения реальности. В данном случае СМИ всегда пытаются использовать человеческие слабости, заставляя поверить человека в то, что это его собственное мнение, а не навязанное ему мнение со стороны средств массовой информации. Для более точного описания данного феномена, мы будем пользоваться работами Д. Элтейда. В своей книге 1979 г. «Медиалогика», он занимается форматом новостей. Элтейд говорит о медиалогике следующее: «Медиалогика отсылает к представлениям и процессам конструирования сообщений для конкретных медиумов. Это включает, ритм, грамматику и формат. Формат, будучи характеристикой медиалогии, особо важен, поскольку описывает правила или “коды” определения, отбора, представления и признания информации как одного типа, а не другого (например, “вечерние новости”, а не “ситуационная комедия”, или “пародия на новости”). Эта логика – или рационализация, подчеркивание, ориентация, продвигаемая медиапроизводством, процессами и сообщениями – имеет тенденцию быть хранимой в памяти, сводиться к краткому содержанию, быть тематически ориентированной, известной аудитории, легко используемой. Медиакультура воспроизводится широко распространенным применением медиалогии. Когда особенно медиалогика используется, чтобы представлять и интерпретировать институциональные феномены, формы и содержания этих институций меняются. Исследования демонстрируют, как спорт, религия, новости и политика изменяются, чтобы соответствовать этой логике. Медиалогика трансформировала журналистскую культуру» [Altheide, 1979: 26].

В статье на тему страхов Элтейд возвращается к теме форматов: «Коммуникации и медиа форматы позволяют нам узнавать разные фреймы, которые дают общее определение того, что находится перед нами. Исследования по медиаформам и форматам дополняются анализами из изучения медиасодержания, предоставляя им концептуальные основы практики медиаакторов». Таким образом Элтейд анализирует, каким образом подаётся информация обществу. Он приводит в пример наркотики, которые могут подаваться с криминальной стороны, но также и со стороны здоровья, что приводит к совершенно разному влиянию на разум человека [Altheide, 1997: 662].

Также он упоминает фреймы, определяя их «фокусом, параметром или границей для обсуждения конкретного события. Фреймы фокусируются на том, что будет обсуждаться, как оно будет обсуждаться, а кроме того, как оно не будет обсуждаться. Удобно рассматривать фреймы как очень широкий тематический акцент или определение сообщения, как граница вокруг картинки, которая отделяет ее от стены и других возможностей» [Altheide, 1997: 651].

Элтейд выделяет следующий набор характеристик для фрейма, который привлекает внимание к определенной проблеме социума [Altheide, 1997: 655]:

- нечто существует как нежелательное,
- это влияет на многих людей,
- аспекты или части этого легко идентифицируются,
- его можно изменить или «починить»,
- есть механизмы или процедуры для исправления ситуации,
- агент изменений или процесс известен (как правило, это правительство).

Таким образом, из всего вышеперечисленного можно сделать вывод, что объектом медиатизации может стать любое явление, однако, как правило, направлена она прежде всего на человека, заставляя того менять свое

мировоззрение. Средства массовой информации влияют на память человека, создавая в ней необходимые для манипуляции образы, на образ исторических событий, влияя тем самым на познания человека о своей стране и истории в целом, а также на человека в целом, побуждая к действию с помощью воодушевления или страха.

1.3. Медиатизация события военной истории: Русский экспедиционный корпус во Франции

Далее остановимся на конкретном примере медиатизация события истории, а именно – русского экспедиционного корпуса во Франции. Таким общим термином называли экспедиционные войска Русской императорской армии, участвовавших на территории Франции и Греции во время Первой мировой войны в рамках помощи странам-участницам союза Антанта. События Первой мировой войны в России освещаются не так интенсивно, как события Второй мировой (в частности, Великая Отечественная война), однако в Европе день окончания Первой мировой считается памятным днем. Прежде чем перейти к медиатизации данного военного события, необходимо знать, чем именно прославился русский экспедиционный корпус, находившийся во Франции.

Историю Русского экспедиционного корпуса во Франции следует рассматривать в историческом контексте — в рамках франко-русского союза. Позиция Франции в этом вопросе гораздо лучше задокументирована, нежели позиция России, о которой мы мало что знаем. После поражения 1870 г. во Франко-прусской войне во французской политике стали преобладать реваншистские настроения. Взгляды были повернуты на границу, проходящую по Вогезам: французы желали вернуть территории, аннексированные Германской империей. Хотя Эльзас и часть Лотарингии говорят на немецком диалекте, население этих двух регионов в большинстве своем не приняло немецкой власти. После аннексии этих регионов немцами

почти 130 тыс. человек предпочли эмигрировать, нежели подвергнуться германизации. Враждебность французов по отношению к немцам распространялась даже на культурную сферу: французы отказывались читать немецких философов и писателей, не слушали музыку Вагнера и т. д. Прошло 40 лет, и пробил час реванша.

Для победы Франции был необходим союзник, который бы помог в военном плане взять Германию в клещи. Так началось сближение с Россией. Первые шаги в этом направлении были сделаны в 1890–1891 гг. во время взаимных визитов, которые имели итогом заключение формального союза. Окончательно этот процесс завершился созданием Антанты в 1907 г., которая объединила судьбы Франции, России и Великобритании. Стоит отметить, сближение французской Республики и Царского самодержавия не было само собой разумеющимся. И если в начале русское правительство беспокоилось о негативном влиянии, которое могли оказать на его подданных идеи свободы и равенства, перенесенные из Франции, то, в свою очередь, французское правительство впоследствии в условиях военного времени опасалось пагубного влияния социалистических и пацифистских идей, привнесенных из России. Для России данный союз был выгоден, прежде всего, в качестве способа приобретения союзников против традиционных врагов – Австро-Венгерской и Османской империй, и Франция, чье благополучие и богатство особенно проявились во время Всемирной выставки 1900 г., внесла большой вклад в развитие российской промышленности.

Участие в боевых действиях со стороны Франции ставило под угрозу и так шаткую ситуацию в России: представители монархии боялись, что солдаты, увидев и услышав, как живут люди во Франции, примкнут к набирающему обороты восстанию. Франция же сильно надеялась на поддержку русского корпуса, так как периодически терпела поражение на фронте.

1916 год был относительно успешным для Союзников. Под Верденом немцы столкнулись с героическим сопротивлением, которого не ожидали. Но

1917 год стал поворотным как на французском фронте, так и в русской истории. Провал наступления генерала Нивеля оказался в тени более крупной катастрофы – падения царского режима, которое привело к нарушению европейского равновесия. 15 марта 1917 года из-за отречения Николая I от престола дипломатические отношения с Францией усложнились. В сентябре 1917 года произошло солдатское восстание в лагере Ла-Куртин, жестоко подавленное.

Вопрос о репатриации русских солдат был поднят уже после 1919 г. Только после соглашения, подписанного 20 апреля 1920 г. в Копенгагене между французскими властями и представителями нового советского режима, процесс пошел. В том числе произошел обмен 2 тыс. русских на 900 французов (членов дипломатических миссий и французских учреждений), арестованных советскими властями. Последняя репатриация состоялась в октябре 1923 г.

Судьба русского экспедиционного корпуса во Франции отражает потрясения, которые произошли в XX веке. Война, начавшаяся в 1914 г., оказалась первой глобальной механизированной войной, когда превосходство больше не измерялось количеством солдат, выстроившихся на поле боя, но силой промышленности и распространением идеологий.

Несмотря ни на что, французская армия знает и помнит, чем она обязана русскому экспедиционному корпусу. Она провела захоронение 900 тел на кладбище, построенном около Мурмелона. Ассоциация ветеранов экспедиционного корпуса возвела при помощи французских гражданских и военных властей в 1937 г. церковь Сент-Илер-ле-Гран (по проекту архитектора Бенуа).

К сожалению, история Первой мировой войны для подавляющего большинства россиян – забытый и малоизвестный исторический период. Тем более, если речь идет об экспедиционном корпусе во Франции. Совсем недавно в Москве был воздвигнут памятник в честь всех военных, погибших в этой войне. В речи при открытии памятника Президент Российской

Федерации признал печальный факт: «Однако их подвиги, их жертвенность во имя России на долгие годы оказались в забвении. А сама Первая мировая, которую весь мир именует Великой, была вычеркнута из отечественной истории, называлась просто империалистической» [Абенсур, 2014: 83].

Как бы то ни было, во Франции наиболее ярким исследователем данного вопроса является Пьер Малиновский, который занимается раскопками данного корпуса и смог привлечь к себе внимание СМИ. Его заслуги активно обсуждают как французские (Sputnik France, Le Parisien), так и русские журналисты (ТАСС, НТВ, Рамблер и др.). Его можно рассматривать как центральную фигуру в вопросе о русском экспедиционном корпусе во Франции.

О нём известно немного: Пьер является французским историком и археологом, он много времени уделил раскопкам корпуса, а затем и раскопкам на Урале, в России, где он участвовал в поисках пилота батальона «Нормандия – Неман».

1.4. Методы (стратегии) прагматической адаптации текста

Любое речевое произведение, кроме языкового материала, из которого оно строится, требует как необходимое условие своего существования наличия еще трех компонентов: темы сообщения, ситуации, в которой осуществляется коммуникативный акт, и участников этого акта, обладающих как лингвистическими, так и экстралингвистическими знаниями. Учет неязыковых моментов является одним из необходимых условий достижения переводческой адекватности, так как через них раскрывается во многих случаях содержание текста. Известен тот факт, что объем данных неязыковых факторов у разных народов неодинаков, поэтому переводчик не должен надеяться на то, что описываемый, например, в исходном тексте объект будет доступен представителю переводящего языка, в связи с чем переводчик должен располагать всеми необходимыми компетенциями, чтобы

донести содержание исходного текста в понятном для рецептора перевода виде. В лингвистической литературе данный момент называется прагматическим аспектом перевода. «Понятие прагматики в языкознании (и шире – в семиотике) отнюдь не сводится только к понятию прагматических значениях языковых (и вообще знаковых) единиц. Это понятие гораздо более широкое – оно включает в себя все вопросы, связанные с различной степенью понимания участниками коммуникативного процесса тех или иных языковых единиц и речевых произведений и с различной их трактовкой в зависимости от языкового и неязыкового (экстралингвистического) опыта людей, участвующих в коммуникации» [Бархударов, 1975: 107]. Прагматика перевода определяется В.Н. Комиссаровым как «влияние на ход и результат переводческого процесса необходимости воспроизвести прагматический потенциал оригинала и стремление обеспечить желаемое воздействие на рецептора перевода» [Комиссаров, 1990: 210]. Под прагматическим потенциалом оригинала понимается «способность текста производить коммуникативный эффект, вызвать у рецептора прагматические отношения к сообщаемому, иначе говоря, осуществить прагматическое воздействие на получателя информации» [Комиссаров, 1990: 211].

Прежде чем приступить к переводу, переводчику необходимо установить ряд существенных моментов, способствующих воспроизведению прагматического потенциала оригинала для достижения поставленной задачи, т. е. достичь желаемого эффекта на получателя переводного текста. Во-первых, переводчик должен уяснить коммуникативную интенцию создателя текста, вызванную некоторой потребностью. Во-вторых, установить доминантную функцию текста. Каждый текст обладает доминантной функцией, целью которой является оказать определенное прагматическое воздействие на реципиента текста. Данная функция учитывается создателем текста при его составлении, например, тексты общественно-политического характера имеют целью воздействовать на публику. В-третьих, в прагматических аспектах перевода большое внимание

уделяется коммуникативной направленности исходного сообщения. А. Нойберт выделяет четыре типа текстов с учетом того, что привлечение прагматических моментов зависит от типа переводимого текста [Нойберт 1978: 197]:

1) Тексты внешнеполитико-идеологического характера, которые преследуют цель воздействовать на иностранное население. Подобные тексты составляются так, чтобы оказать определенное воздействие на определенного получателя. При переводе необходимо учитывать прагматические моменты для достижения необходимого эффекта.

2) Художественные произведения, рассчитанные на носителей исходного языка, однако во многих случаях их переводят на другие языки, отчего прагматический фактор играет немаловажную роль.

3) Тексты, интересующие только носителей исходного языка, например, газетные или журнальные материалы. Поскольку тексты такого типа переводятся для узкой аудитории, то прагматические аспекты не учитываются. Тем не менее, когда необходимо перевести какую-либо статью для носителя переводимого языка, то следует учесть прагматические аспекты.

4) Тексты научно-технического характера, которые направлены как на носителей исходного языка, так и на носителей переводимого языка, занимающихся исследованиями в той или иной сфере. В данном случае нет необходимости адаптировать исходный текст, так как оба носителя владеют достаточной информацией для понимания текста.

И наконец, чтобы достичь нужного коммуникативного эффекта в распоряжении переводчика есть ряд приемов, помогающих ему разъяснить те моменты исходного текста, которые могут быть непоняты рецептором перевода. Эти приемы составляют так называемую прагматическую адаптацию перевода. Прагматическая адаптация представляет собой изменения, вносимые в текст перевода с целью добиться необходимой реакции со стороны рецептора перевода. О тех изменениях, которые

переводчик делает в переводимом тексте, А. Нойберт пишет следующее «обязанность переводчика предпринимать такие “изменения”, чтобы получился текст Б, который ориентирует получателя руководства об эксплуатации машины, говорящего на переводимом языке так же, как текст А – говорящего на исходном языке. В результате будут пропуски, дополнения, перестановки, перенесение акцентов и т. д., которые если их дословно перевести обратно, могут показаться говорящему на исходном языке коверканием, искажением, недопустимым добавлением, многословием, пропусками, изменением привычной классификации» [Нойберт, 1978: 195].

Данная многоуровневая аналитическая операция, производимая переводчиком, приводит к тому, чтобы переводимый текст оказал такое же прагматическое воздействие на своего реципиента, какое оказал исходный текст на своего получателя. Здесь, однако, следует уточнить понятие «коммуникативный эффект» или «прагматическое воздействие». Это не ограничивается только понятием воздействия в прямом смысле этого слова, т.е. вызвать у читателя конкретную реакцию или заставить его испытать какие-то эмоции или чувства. Оно шире, подразумевает также такой момент, как понимание читателем содержания сообщения. В этом именно и заключается задача переводчика. Это означает, что переводчик должен передать содержание оригинала так, чтобы реципиент перевода понял содержание этого текста так, как рецептор оригинала понимает исходное сообщение. Рассматривая эффект в первом значении, его не всегда можно достичь, поскольку текст, если он и ориентирован на людей из одного социума, может вызвать различную реакцию из-за различия в мировоззрении этих людей, не говоря уже о людях другой культуры. Об этом явлении упомянул В.Н. Комиссаров, говоря, что «одинаковая реакция читателей оригинала и перевода не является обязательной целью любого перевода, а в некоторых случаях она принципиально недостижима, вследствие особенностей рецепторов перевода, невозможности определить реакцию рецепторов оригинала и ряда других причин» [Комиссаров 1999: 140].

Реакции получателей исходного текста и переводимого текста могут совпадать только тогда, если их личностные характеристики совпадают, «если мы сопоставим веер всех возможных индивидуальных реакций на исходном тексте и такой же веер реакций на переводимом тексте, то совпадут те индивидуальные реакции, где совпадают индивидуально-личностные характеристики адресатов исходного и переводимого текстов. Это означает, что совпадают архетипы реакций индивидов, классы реакций на исходный и на переводимый текст. В этом смысле равноценность регулятивного воздействия исходного и переводимого текстов означает буквально следующее: исходный и переводимый тексты дают своим адресатам объективную возможность одинаково отреагировать на сообщение, а будут ли реакции разноязычных адресатов эквивалентными, зависит от степени совпадения их индивидуально-личностных свойств» [Латышев, 2008: 32].

Поскольку перевод предназначен для другого человека, имеющего иной менталитет, относящегося к другому обществу, постольку адаптация исходного текста должна быть выполнена таким образом, чтобы он был ему доступен. Адаптация проводится с помощью экстралингвистической информации переводчика. Существуют некоторые способы адаптации исходного текста [Бархударов, 1975: 104]:

1) добавление;

Дополнения и пояснения используются при переводе на русский язык:

- при переводе географических названий

Например, Bretagne – регион Франции Бретань

- при переводе названий печатных органов, учреждений, фирм.

Например, Le Monde – газета «Монд»

- при необходимости обеспечить понимание названий реалий, связанных с особенностями быта и жизни иноязычного коллектива.

Например: «For dessert we got Brown Betty which nobody ate» (Salinger) – «На сладкое подали «рыжую Бэтти», пудинг с патокой, только его никто не ел».

- при упоминании о структурах государственной власти.

Например, при упоминании Государственной Думы в английском тексте уместно сделать пояснение:

State Duma, the lower house of the Russian Parliament.

2) опущение информации, неизвестной получателю перевода и не являющейся коммуникативно релевантной:

... everything smelled like Vicks' Nose Drops. – ... все пахло каплями от насморка.

Фирменное название Vicks' ничего не говорит русскому читателю, не несет важной информации, поэтому в переводе его можно и даже лучше опустить.

3) генерализация;

Использование приема генерализации, т. е. замены слова с конкретным значением словом с более общим значением, но более понятном для получателя перевода значением.

He appeared to be a young man of 6 feet and 2 inches. – Он оказался молодым человеком выше среднего роста. (Русскому читателю английская система мер малоизвестна, а следовательно, буквальный перевод хотя технически вполне возможен, не обеспечил бы передачу информации адекватно.)

Часто генерализация используется при замене имени собственного именем нарицательным, дающим родовое название для данного предмета. Например, «У него есть Роллс-Ройс» или «Он ездит на Роллс-Ройсе» (He owns a Rolls-Royce). Можно перевести как «Он ездит на шикарном, дорогом автомобиле».

4) конкретизация;

Использование приема конкретизации.

The British people are still profoundly divided on the issue of joining Europe. – В английском народе до сих пор существуют глубокие разногласия о том, стоило ли Англии вступать в «общий рынок». (русский читатель может не знать, в каком значении использовано слово Europe, что может означать фраза «присоединиться к Европе»).

5) комментарии.

С такой же целью, как и в первом пункте, могут использоваться постраничные сноски, либо примечания к целому тексту перевода. Использование примечаний уместно и тогда, когда речь идет не просто о реалиях, неизвестных читателю переводимого языка, но упоминаются факты, события, явления, отражающие особенности исходной культуры.

Комиссаров выделяет следующие виды переводческих адаптаций [Комиссаров, Электронный ресурс]:

1. Упрощающая адаптация

В ее основе лежит функциональное транспонирование текста. Осуществляя упрощающую адаптацию, переводчик (точнее, «языковой посредник») ориентируется на иную группу рецепторов (читателей), чем та, для которой был написан оригинал. Его задача – упростить содержание оригинала, чтобы сделать его доступным для читателя, не обладающего необходимыми познаниями, уровнем подготовки или жизненным опытом для понимания исходного сообщения. Наиболее распространенной формой подобной адаптации является уменьшение при передаче на другом языке степени научной сложности, специального или “технического” характера оригинала с целью сделать его доступным для читателя-неспециалиста, а также упрощение формы и содержания «взрослого» оригинала, перевод которого предназначается для детской аудитории. Этот вид адаптивного транскодирования наиболее близок к переводу. Ему присущи некоторые признаки функционального отождествления конечного текста с оригиналом (опубликование под именем автора оригинала), и его обычно именуют «сокращенным переводом» или «адаптированным переводом».

2. Воздействующая адаптация

В этом случае переводчик тоже ориентируется на определенную группу рецепторов перевода, ставя себе цель добиться определенного воздействия на членов этой группы. Для достижения такой цели необходимо перестраивать передаваемое сообщение с учетом особенностей восприятия тех лиц, для которых предназначен текст на языке перевода. Подобная перестройка требует более серьезных преобразований содержания, чем простое упрощение. Здесь уже приходится прибегать к различным способам модуляции смысла и осуществлять не просто функциональное транспонирование, а его модуляционное транскодирование. Наиболее распространенной формой воздействующей адаптации является преобразование текста рекламы при воспроизведении его на других языках. Как правило, форма и содержание рекламы, обеспечивающие ее действенность в условиях одной культурно-исторической общности, оказываются недостаточно эффективными, когда необходимо воздействовать на людей иной культуры, психического склада, с иными ассоциациями, взглядами, жизненными установками и ценностями. Адаптация рекламы при ее передаче на другом языке часто бывает весьма значительна, порой она выходит за рамки адаптивного транскодирования и превращается в составление параллельного текста на ПЯ, который должен обеспечить необходимое воздействие (co-writing).

3. Редукционно-описательная адаптация

Редукционно-описательная адаптация преследует цель сообщить рецептору о том, какого рода информация имеется в иноязычном тексте, не передавая содержание этой информации и не оценивая ее. Характер подобной адаптации определяется заданным объемом, который всегда значительно меньше объема оригинала: от одной-двух строк библиографической аннотации до нескольких абзацев реферативной аннотации или резюме. Адаптированные таким образом тексты дают возможность читателю узнать, о чем идет речь в оригинале, и решить, есть ли

там интересующая его информация. Для получения самой информации потребуется перевод или иной более детальный способ знакомства с содержанием исходного текста. Типичным примером подобной адаптации может служить краткое резюме, на одном или нескольких иностранных языках, которое обычно приводится в конце или в начале статьи в научном журнале.

4. Редукционно-информативная адаптация

Редукционно-информативная адаптация должна в сокращенной форме сделать доступным для читателя основное содержание оригинала. В этом случае помимо определенного объема, формулируются и некоторые правила отбора в организации передаваемой информации. Как правило, переводчик должен уметь выбрать из оригинала информацию, отвечающую определенной теме, содержащую новые или важные сведения, интересующие заказчика, а порой и дать оценку передаваемой информации, ее значимости и достоверности. Такая адаптация осуществляется путем составления различного рода рефератов. Реферативное изложение содержания оригинала заменяет для рецептора оригинал в том смысле, что он обычно не нуждается в более полной передаче его содержания, хотя и здесь он может, в случае необходимости, заказать полный перевод. Понятно, что это совсем иная замена иноязычного текста, чем та, которая происходит при переводе: рецептор не выступает в качестве полноценного участника межъязыковой коммуникации, а лишь получает часть информации, содержащейся в оригинале.

Все эти способы прагматической адаптации не предполагают значительного изменения содержания высказывания в переводе.

В некоторых случаях подобного рода адаптация текста недостаточна для обеспечения полной понятности текста для получателей – представителей иной культуры. Условия жизни могут быть настолько различны, что одно и то же по содержанию высказывание вызовет абсолютно разный, если не противоположный коммуникативный эффект.

Например, сообщение о «потеплении международной обстановки» может быть понято в Индии как «обострение обстановки», поскольку для читателей этой жаркой страны приятно не потепление, а охлаждение (например, *welcoming cooling*). Или, например, выражение «белый как снег» можно передать как «белый, словно оперение цапли», если носителям переводимого языка неизвестно, что такое снег. Таким образом, изменения могут быть значительны, хотя не изменяется смысл в целом [Комиссаров, электронный ресурс].

Таким образом, прослеживается влияние прагматической адаптации на исходный текст. В конце перевода он приобретает конечный вид, претерпевая ряд изменений, которые необходимы для того, чтобы читающий мог адекватно воспринять информацию, которую хотел донести до него автор. В некоторых случаях часть информации может опускаться по ряду причин, и зачастую эти причины вытекают из политических соображений.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

В данной главе было рассмотрено такое понятие, как «медиазация» с разных точек зрения – в западной лингвистике и отечественной. Со стороны западной парадигмы исследования были упомянуты определения Дж. Томпсона и Н. Коулдри, а в отечественной лингвистике рассмотрены трактовки Д. И. Шаронова, Л. И. Земляновой, а также И. В. Рогозиной. В качестве рабочего определения в медиазации в работе используется дефиниция И. В. Рогозиной, в котором медиазация определяется как «процесс и результат глобального воздействия на мышление индивидов при помощи различных медиа, выражающегося в формировании картины мира посредством специфических медийных когнитивов».

Главным объектом медиазации является человек. Медиазация служит инструментом воздействия на человека, затрагивающим процессы исторической и социальной памяти: создавая необходимые для манипуляции образы, трансформируя и дозируя информацию об исторических событиях, о стране, медиазация может менять мировоззрение и царящие в обществе взгляды на явления, феномены, интерпретацию фактов истории, а также создавать определенную эмоциональную общественную атмосферу вокруг своего объекта.

Нами было взято отдельное историческое событие, которое активно обсуждается в российских СМИ – «Русский экспедиционный корпус во Франции во времена Первой мировой войны». О судьбе и подвиге корпуса во время Первой мировой войны долгое время было мало что известно, но несколько лет назад усилиями французского историка и археолога П. Малиновского этот событийный пласт стал активно возвращаться как во французский общественно-политический дискурс, так и в российскую прессу. Таким образом, объектом нашего внимания стало участие Русского экспедиционного корпуса в боях Первой мировой на территории Франции

как объект медиатизации военной истории, получающий отражение и в переводческой деятельности.

Анализ классификации методов (стратегий) прагматической адаптации текстов (В.И. Комиссаров и Л.С. Бархударов), применительно к материалу нашего исследования показал необходимость использования в практической части четырех стратегий (методов) прагматической адаптации текста: добавление, опущение, генерализация и конкретизация, а также комментарии, которые иногда необходимы для пояснения к переводу.

Основной теоретической посылкой, сформулированной в данной главе исследования, является вывод о том, что медиатизация, играя ключевую роль в формировании репрезентации некоторого объекта в сознании человека, может являться причиной прагматических изменений и несоответствий при переводе.

ГЛАВА 2. АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ П. МАЛИНОВСКОГО И ИХ ПЕРЕВОДА

В практической части данного исследования прежде всего будет проведен нарративный анализ по Ж. Греймасу [Греймас, 2004: 248], который выявляет шесть составляющих любого нарратива. Нарративом является любое речевое изложение событий. Поскольку участие Русского экспедиционного корпуса в Первой мировой войне это объект повествования, т.е. нарратива, мы исходим из гипотезы о том, что отличия в оригинальных текстах П. Малиновского и их переводах на русский язык связано с различиями в структурах нарративов об этих событиях, сложившихся в русской и французской традициях рассказа об этом событии военной истории эпохи Первой мировой. Данный анализ проводится с целью выявления различий между видением обсуждаемых исторических событий в российских средствах массовой информации и самого Пьера Малиновского – французского историка и археолога. В дальнейшем будут рассмотрены отдельно взятые высказывания господина Малиновского в ходе его интервью русскоязычным изданиям и их перевод, дабы обосновать валидность нашей гипотезы.

Для сопоставительного анализа актуальной отечественной нарративной традиции рассказов об участии Русского экспедиционного корпуса во Первой мировой войне и нарративов П. Малиновского об этом же событии был проанализирован корпус статей на русском и французском языках отечественных журналистов, а также корпус статей и интервью П. Малиновского российским и пророссийским украинским СМИ.

2.1. Нарративный анализ по Ж. Греймасу

Данный анализ представляет собой выявление шести основных составляющих любого нарратива: дестинатор, получатель, субъект, объект,

помощник и предатель. Данный анализ будет проведен по отношению как к русскоязычным СМИ, так и к господину Малиновскому для выявления различий, что в последствии приведет к различиям в переводе и оригинале высказываний.

Дестинатор. Дестинатором является определенная сила, которая устанавливает правила и ценности в действии и представляет идеологию текста. Для русскоязычных СМИ это, прежде всего, продвижение идей патриотизма, а также исключительности русского народа. Это хорошо наблюдается в заголовках статей, например:

1) *Cent ans après, un soldat russe tombé pour la France enfin inhumé* (Kouzmina, 2017) | *Русского солдата, отдавшего жизнь за Францию, похоронили спустя век*

В данном примере четко прослеживается идея о том, что русский человек отдаст жизнь не только за свою Родину, но и за союзника. Это пробуждает в русском человеке чувство гордости за свою страну и наследие, что необходимо для нашей страны в современных условиях.

Еще одним примером может послужить начало следующей статьи:

2) *Au cours de l'année 1916, quatre brigades du Corps expéditionnaire russe, soit 45 000 guerriers dont 750 officiers, ont été dépêchés en France pour s'engager dans les combats de la Première Guerre mondiale aux côtés des Alliés* (Gorokhoff, 2016). | *В 1916 году 4 бригады из 45000 военнослужащих, в число которых входили 750 офицеров, поспешили на помощь во Францию для того, чтобы принять участие в боевых действиях Первой мировой войны бок о бок с союзниками.*

В приведённом выше фрагменте из статьи также прослеживается идея продвижения патриотизма как ключевой составляющей освещения данного события русскоязычными СМИ. Таким образом, подчеркнем, что для отечественной нарративной традиции повествования о событиях, связанных с Русским экспедиционным корпусом, актантную позицию дестинатора –

ведущей силы, движущей повествование, составляющей всю ценность события, является духовная сила и исключительность русского народа. Исследователи отмечают, что чаще всего великие подвиги людей сравнивают с богатырскими подвигами, отсюда взяла начало идея исключительности русского народа. А. В. Колмогорова указывает, говоря об образе русского солдата, что «в патриотическом дискурсе Первой мировой войны на фоне неутешительной ситуации на фронте и обострения внутривойсковой обстановки на первый план выходят признаки “исключительность”, “чуждость”» [Колмогорова, 2019: 9]. То есть русский человек изображается как нечто чудотворное, чем и стараются пользоваться русскоязычные СМИ.

Однако тип нарратива, характерный для Пьера Малиновского, отличается иным видением позиции дестинатора. Рассмотрим следующий фрагмент его интервью:

3) <i>Pourquoi? Mais tout juste pour prouver à la France qu'il y en avait ici!</i> (Международная жизнь, 2018)	Зачем? Да я просто хотел доказать Франции, что русские действительно сражались во Франции!
---	--

Следовательно, для господина Малиновского силой, которая устанавливает правила и ценности в действии и представляет идеологию текста, является стремление докопаться до истины и найти доказательства. Он не думает о патриотизме другой страны, а его работа затрагивает только его собственные цели и ценности.

В другом интервью, которое он дал изданию «Спутник», он сказал следующее:

4) <i>Moi, ce qui m'intéresse c'est la Russie. On parlait jamais du front l'Est. Quand on dit que c'est la France qui gagnait la Guerre mais c'est grâce à la Russie. Donc je me</i>	Что же касается меня, то я заинтересован Россией. Мы никогда не говорим о Восточном фронте. Когда мы говорим, что Франция победила в Первой мировой, нужно не забывать,
--	---

<p><i>suis dit que pour connaitre cette chose on doit trouver quelque chose de physique en corps...</i> (Sputnik Interview, 2017)</p>	<p><i>что она это сделала благодаря России. И я сказал себе, для того, чтобы люди это знали, необходимо найти вещественные доказательства, тела погибших.</i></p>
---	---

В данном высказывании также прослеживается мысль о том, что господин Малиновский пытается доказать Франции, что во времена Российской империи солдаты императорской армии воевали на территории его страны. Таким образом, в нарративах П. Малиновского позицию дестинатора занимает его собственное стремление докопаться до истины, открыть историческую правду французскому обществу и мировому сообществу.

Таким образом, анализ позволяет сделать вывод о том, что дестинаторы в двух нарративных традициях – той, которой придерживаются отечественные СМИ и той, которая характерна для самого П. Малиновского – разнятся, а сами «рассказчики» преследуют различные цели: для первых – это демонстрация русской идеи, исключительности, жертвенности русского народа, для второго – это собственная профессиональная репутация как историка и археолога.

Получатель. Получатель как один из актантов нарративной структуры имеет схожие ценности с рассказчиком, отчего его деятельность направлена именно на получателя. Для русскоязычных средств массовой информации получателем является современное российское общество, до которого журналисты пытаются донести идею патриотизма. Это чётко прослеживается в главном посыле журналистов. Например, в следующем пассаже показывается отвага русского солдата, проявляющаяся даже, несмотря на изменения во внутренней политике страны, которая в то время находилась в не самом лучшем ее состоянии:

<p>5) <i>Après la révolution</i></p>	<p><i>После Октябрьской революции</i></p>
--------------------------------------	---

<p><i>bolchevique, le corps expéditionnaire a été dissous, mais un millier de volontaires ont rejoint les troupes alliées. Ils ont été rassemblés dans une légion russe de volontaires aussi appelée Légion d'honneur.</i></p> <p>(Sokolovskaïa, 2017)</p>	<p>Экспедиционный корпус был расформирован, однако тысяча добровольцев присоединились к войскам союзников. Они объединились в русский легион, который впоследствии был назван Легион чести.</p>
--	---

В одной из статей приводится пример одного из русских офицеров, Карпа Васильченко, который, несмотря на Брест-Литовское соглашение, решил остаться в составе войск союзников и довести начатое до конца:

<p>6) <i>Karp et son frère Philippe arrivent en France avec les brigades du corps expéditionnaire russe. Ils sont envoyés sur le front de Salonique, mais retournent sur le sol français après la dissolution du corps expéditionnaire liée à la révolution bolchevique en Russie. Karp décide de rejoindre les rangs de la Légion de l'honneur russe qui combattit sur le front français jusqu'à la fin de la guerre</i> (Tchobanov, 2013).</p>	<p>Карп и его брат Филипп прибыли во Францию в составе бригады Экспедиционного корпуса. Их отправили на Салоникский фронт, но после расформирования корпуса, которое произошло вслед за Октябрьской революцией, они вернулись во Францию. Карп Васильченко решил примкнуть к рядам русского Легиона чести, который сражался во Франции до окончания войны.</p>
--	--

Что касается Пьера Малиновского, то его действия направлены на Францию, её правительство, так как он преследует цель доказать именно французскому обществу, что русские солдаты сыграли немаловажную роль в Первой мировой войне. Таким образом, именно Франция является «получателем», с его точки зрения. Примером может послужить следующее его высказывание, данное в ходе одного из интервью, в котором раскрываются его мотивы и, следовательно, – содержание нарративного актанта «получатель»:

<p>7) <i>Mais à l'époque, personne ne connaissait cette histoire: je savais, entre autres, qu'il y avait des Allemands, des Français, des Américains, mais d'habitude on ne parlait jamais des Russes! Donc je me suis posé la question pourquoi je ne connaissais rien sur la Russie, et je me suis dit: il faut que je trouve un soldat russe!</i> (Международная жизнь, 2018)</p>	<p><i>В то время еще никто об этом не думал: я знал, что во Франции сражались и немцы, и французы, и американцы, но вот русские... О них никто никогда не говорил. Тогда я себе и задал вопрос: почему я об этом ничего не знаю? Тогда же я и решил, что должен обязательно найти останки русских солдат.</i></p>
--	---

В данном сегменте (пр. 7) видно, что прежде всего целью господина Малиновский является обнаружение останков русских солдат на поле боя, что поможет ему доказать Франции, что русские принимали участие в боевых действиях на его родине.

Субъект и объект. Субъект – это актант, который, по Ж. Греймасу, выполняет главную роль в повествовании. То, на что направлены конкретные действия Субъекта, является его Объектом, другим нарративным актантом. Соответственно, Пьер Малиновский в своих интервью выступает субъектом повествования, а в качестве объекта – то, к чему стремится субъект повествования, цель, на которую направлен его интерес, – выступают раскопки русского экспедиционного корпуса. В публикациях российских СМИ в качестве субъекта выступают российские политики, а объектом является патриотическое воспитание, политика России в области патриотизма. Данное различие объясняется прежде всего тем, что исходные цели двух рассказчиков разнятся и именно поэтому меняется восприятие информации с разных точек зрения. Примером отождествления себя с субъектом со стороны господина Малиновского может служить данное высказывание:

<p>8) <i>Et après du succès, j'ai eu l'idée, je me suis dit, il faut faire une fondation parce qu'on dit la fondation c'est plutôt mon nom. On peut faire travailler pleins d'experts au sein de fondation, ça soit la fondation « Malinowski »</i> (Sputnik Interview, 2017).</p>	<p><i>И после успешного завершения проекта, мне пришла в голову идея: я сказал себе, что нужно основать фонд, так как этот фонд сразу же будет ассоциироваться с моим именем. И этот фонд обеспечит работу экспертов и будет называться фонд Малиновского.</i></p>
--	--

В данном примере (пр. 8) видно, что Пьер Малиновский фокусирует внимание именно на своих усилиях, а значит, именно он является субъектом повествования. Что касается объекта, то очевидно, что раскопки являются его первостепенной задачей, на которую направлен его интерес как рассказчика. Все его интервью, так или иначе, связаны с этим.

Для российских средств массовой информации, многие из которых вещают на двух языках – русском и французском – субъектом являются, прежде всего, отечественные политики. В следующем интервью журналисты пытаются выяснить у Пьера Малиновского, какие отношения он имеет с политической элитой России, желая сфокусировать внимание читателей именно на участии российской политической элиты в деле восстановления событий российской военной истории. Для примера можно привести следующие две подводки в ходе одного интервью, которые следовали практически одна за другой и имеют совершенно разный контекст:

<p>9) <i>- Donc, je crois que vous voulez aussi plus ou moins l'associer à la date de la grande offensive enfin en de l'anniversaire de la grande offensive qui s'est passé le 16 avril 1917 donc, peut-être que les deux dates enfin collerait. Je veux dire la</i></p>	<p><i>- Итак, я уверен, что вы хотите связать дату великого наступления, которое произошло 16 апреля 1917 года, и, наконец, сделать так, чтобы эти две даты были взаимосвязаны: я имею в виду официальную дату расформирования корпуса и его</i></p>
--	--

date officielle du rapatriement du corps et peut-être aussi la date on fête le centenaire de la grande offensive. Est-ce que vous réussissez le faire ? Eest-ce que ça avance ?

- Est-ce que vous avez déjà eu quelques contacts avec la présidence russe, je dis pas à demander ou suggérer et met en tout cas. Est-ce que, disons, cet événement pourrait donc avoir lieu à cause d'une certaine harmonisation, donc, de votre désir à vous de celui de la présidence russe. Est-ce qu'il ya déjà de retombées ou c'est une idée qui vous est venu à vous tout seul ? Vous faites soutenir par Marion, bien sûr, parce que vous êtes tous les deux donc dans le Front national mais sans que la présidence russe le sache, comment ça se passait, en fait, d'où vient cette idée, découle de vous seul ou pas ? (Pravda Interview, 2017)

возвращения на родину и, возможно, дату столетия великого наступления. Вам удастся это? Как продвигается ваша работа?

- Вы уже когда-нибудь встречались с кем-то из правительства России? Я не прошу и не предполагаю, но возможно ли данное событие в будущем с целью некой гармонизации отношений по вашему желанию или по желанию российского правительства. Уже были подобные встречи или вы в одиночку работаете над вашим проектом? Несомненно, вас поддерживает Марион, так как вы оба входите в партию «Национальный фронт», но если российское правительство не в курсе вашего проекта, то как все это происходит? Как именно пришла вам в голову эта идея? Вы самостоятельно до неё додумались или с чьей-либо помощью?

В приведенном выше примере (пр. 9) видно, что сначала журналист спрашивает о том, как продвигается работа господина Малиновского, а затем в следующей реплике уже меняется русло интервью, перетекая в вопрос о политике. Также прослеживается, как осторожно русский журналист подходит к данной теме, пытаясь связать первую часть интервью, в которой говорилось о том, что Пьер Малиновский состоит в партии «Национальный

фронт», с тем вопросом, который он задал. Данные действия четко отображают главную цель российских и пророссийских украинских СМИ – узнать больше о взаимоотношениях между политической элитой России и Пьером Малиновским. Отсюда следует вывод о том, что интервью с историком и археологом направлены в политическое русло, чтобы подчеркнуть вовлеченность российских политических деятелей в работу и показать, как именно взаимодействует Россия на политической арене с помощью гражданина другой страны.

Что касается объекта нарратива в отечественной прессе и телевидении, то все действия СМИ направлены на гражданина России для воспитания в нем патриотического духа, а также создания положительного собственного имиджа народа России. Данная тематика прослеживается практически в каждом из интервью, отчего следуют различия между исходным текстом и текстом перевода, которые будут изложены в данном исследовании в следующем пункте.

Следующий пункт анализа – нарративный актант **помощник**. Помощником в нарративной структуре является поддерживающая сила, которая помогает субъекту в его стараниях, направленных на объект. В данном пункте роли для каждого из рассказчиков оказались полностью противоположными: в роли помощника для Пьера Малиновского выступает Россия, так как именно она помогает ему освещать события, которые зарубежные СМИ игнорируют. Таким образом историк пытается достучаться до правительства Франции, а также восстановить в истории утерянную ее часть; для России помощником является сам Пьер Малиновский: в своих интервью он часто положительно отзывается о политике, проводимой Владимиром Владимировичем Путиным, отчего его высказывания прекрасно вписываются в повествование и ход интервью. Данный пример хорошо это отображает:

10) - *Ce n'était pas grave.* | - *Это абсолютно неважно. Ради*

Pour Poutine, j'aurais pu attendre 72 heures, moi! Une fois qu'il était arrivé, en compagnie de la maire de Paris, Mme Idalgo, et Rachida Dati qui est la maire de l'arrondissement où se trouve le Centre Spirituel, ils sont allés visiter la cathédrale orthodoxe, quai de Branly
(Международная жизнь, 2018).

Путина я был готов ждать хоть 72 часа подряд! Ну, а как только он прибыл на место в сопровождении мэра Парижа, госпожи Идальго, и мэра квартала, в котором расположен Российский Центр, госпожи Рашиды Дати, они отправились все вместе в православный собор на набережной Бранли.

Сегмент из этого интервью хорошо иллюстрирует симпатию, которую Пьер Малиновский демонстрирует по отношению к президенту Российской Федерации. Он всецело одобряет действия российской политики, чем и вызывает неизменный интерес у журналистов.

Следующий пример также показывает лояльное отношение археолога к действиям России на международной арене:

11) - *Lorsque j'étais militaire, je ne me suis jamais rendu en Russie. Lorsque l'on est militaire, on doit avoir une autorisation spéciale pour aller en dehors de l'Europe. Mais pour ce qui est de moi, j'ai toujours apprécié le président Poutine depuis qu'il est au pouvoir c'est-à-dire plus de 15 ans maintenant. Lorsque j'avais vu ce qu'il faisait, je me suis dit: ça, c'est un vrai mec! Et puis ce qu'il fait pour la politique internationale est assez exceptionnel tout de même...*
(Международная жизнь, 2018)

- Когда я был военным, я, конечно, не ездил в Россию. Когда служишь в армии, надо получать специальное разрешение на поездку за пределы ЕС. И все же уже тогда я испытывал глубокое уважение по отношению к тому, что делает Путин после своего прихода к власти. Уже тогда, 15 лет назад я думал: он - настоящий мужчина! Кроме того, его международная политика вообще относится к разряду исключительных явлений.

Таким образом можно сделать вывод о том, что Пьер Малиновский, сам того не осознавая, выступает в роли помощника для России, что российские и пророссийские СМИ пытаются подчеркнуть в каждом из его интервью.

Что же касается самого господина Малиновского, то он негативно высказывался по поводу зарубежных СМИ, которые, как он считает, не договаривают всю правду о том, что происходит в восточной части Европы. Данные слова он высказал в одном из интервью на телеканале:

<p>12) <i>Animatrice: Est-ce que, selon vous, les médias en occident, est-ce qu'ils reflètent vraiment les choses comme elles sont ou est-ce qu'ils déforment la réalité ?</i></p> <p><i>Pierre Malinowski: Ils déforment complètement la réalité, ça on peut le dire et c'est une vérité, il suffit de regarder les chaînes de télévision françaises. Ce que vous allez voir c'est des séparatistes donc pro russe avec même l'armée russe qui est ici, des mercenaires français et des mercenaires d'autres pays qui viennent</i> (Новороссия, 2017).</p>	<p><i>Ведущая: Вот как вы считаете, то, что доносят СМИ в Европе зрителям, соответствует тому, что вы увидели здесь на самом деле?</i></p> <p><i>Пьер Малиновский: Они полностью искажают реальность и это чистая правда. Достаточно просто включить французские новостные каналы. То, что вы увидите, это лишь прорусских сепаратистов, которых спонсирует российская армия; вы увидите французских солдат и солдат из других стран, которые находятся а территории страны.</i></p>
---	--

Данный пример (пр. 12) можно также ошибочно причислить и к другой нарративной позиции – позиции «предателя», однако зарубежные СМИ не препятствуют работе археолога, а из определения актанта «предатель» у Ж. Греймаса [Греймас, 2004: 248] следует, что это препятствующая сила, которая олицетворяет все, что удерживает субъекта от достижения цели. Следовательно, данное высказывание не соответствует определению. Оно лишь иллюстрирует мнение историка о деформировании реальности

зарубежными СМИ. Однако данное высказывание хорошо отражает позиции российских СМИ, которые считают, что Европа намеренно искажает правду, чтобы выставить политику России как политику агрессора.

Еще одним примером реализации нарративного актанта «предатель» может послужить высказывание господина Малиновского, который не разделяет политические взгляды стран Европы, и его взгляды хорошо используются в прессе для того, чтобы выставить Европу в неблагоприятном свете:

<i>13) - C'est la deuxième fois que je le vois puisque je l'avais déjà vu en 2015, à l'occasion de la fête de la Victoire lorsque tous les chefs européens ont boudé les 70 ans de la Victoire ce qui a été une honte</i>	<i>- Это второй раз, когда я с ним [Путиным] встретился. Первый раз был в 2015 году на семидесятилетней годовщине Победы, которую все главы европейских государств позорно проигнорировали.</i>
---	---

(Международная жизнь, 2018).

Это высказывание показывает, насколько страны Европы пренебрежительно относятся к Победе Советского Союза во Второй мировой войне. Данные слова не только помогают российским СМИ культивировать в российском обществе дух патриотизма, но также способствуют негативной презентации всей политики, проводимой Западом.

Исходя из проведенного анализа корпусов российской и пророссийской украинской прессы в сопоставлении с дискурсом самого П. Малиновского, можно сделать вывод о том, что компоненты нарративов с двух точек зрения разнятся, так как идеология двух рассказчиков не совпадает друг с другом. Подобные различия в структурах нарративов приводят к тому, что при переводе некоторых текстовых единиц возникают несоответствия, которые впоследствии могут исказить восприятие текста перевода. В следующем параграфе будут более подробно рассмотрены подобные случаи, а также указаны прагматические стратегии, которые использовались при переводе

исходного текста. Ниже представлена таблица, которая показывает все элементы нарратива для каждого из рассказчиков:

Таблица 1. Нарративная структура повествований о судьбе Русского экспедиционного корпуса для двух рассказчиков – российских СМИ и П. Малиновского

	Пьер Малиновский	Русскоязычные СМИ
Дестинатор	Обусловленное профессиональным кредо историка желание докопаться до истины, найти доказательства того, что русские сражались в Первой мировой на территории Франции	Идея исключительности, духовности и подвижничества русского народа
Получатель	Правительство Франции и французское общество	Российское общество
Субъект	Пьер Малиновский	Российские политические деятели
Объект	Раскопки	Продвижение патриотизма и имиджа России на внешнеполитической арене
Помощник	Россия	Пьер Малиновский
Предатель	Отсутствует	Лидеры гос-в Европы и западные СМИ

Таким образом, с помощью таблицы, представленной выше, мы видим, что нарративная структура двух рассказчиков значительно отличается, чем и будет обусловлен выбор тех или иных прагматических стратегий перевода.

2.2. Влияние нарративной структуры текста на выбор прагматических методов (стратегий) адаптации текста

Для анализа были взяты два интервью Пьера Малиновского: одно из них историк дал российскому научно-политическому изданию «Международная жизнь», второе же было опубликовано на канале «Новороссия», которое базируется в ДНР (Донецкой Народной Республике),

но является русскоязычным. В данных интервью были отобраны 35 выдержек из интервью, которые были переведены с изменениями в их общей прагматической направленности. Для распределения случаев перевода мы использовали классификацию методов (стратегий) прагматической адаптации текста Л.С. Бархударова [Бархударов, 1975: 104], которая включает в себя четыре составляющих – опущение, добавление, конкретизация и генерализация.

Первым примером служит следующая фраза:

<p>14) - <i>J'y étais avec toute une délégation des vétérans français pour assister à la parade. On avait nos places dans la tribune officielle, avec tous les présidents du monde ce qui a été un très grand honneur</i></p> <p>(Международная жизнь, 2018).</p>	<p>- <i>Я присутствовал на трибуне совместно с французскими ветеранами. Рядом с нами стояли президенты многих стран, а потом мы отправились...</i></p>
--	--

В данном случае переводчик опустил фразу «*ce qui a été un très grand honneur*», что означает «что было для меня великой честью». В этом контексте он посчитал, что данная информация является дополнительной и не несёт смысловой нагрузки. Однако археолог пытался подчеркнуть, что для него было великой честью стоять в одном ряду с главами государств со всего мира. Конфликт между переводом и исходным текстом возник из-за того, что в нарративной структуре, характерной для Пьера Малиновского, не существует позиции (актанта) предателя как такового, однако для русскоязычных СМИ нарративную позицию предателя занимают государства Запада, отчего данное выражение просто не могло использоваться в переводе. В этом примере было использовано опущение информации при переводе текста.

<p>15) - <i>Je ne sais pas si c'est lui qui fait les invitations lui-même,</i></p>	<p>- <i>Хотя думаю, что он сам утверждает списки. Уверен, что тщательно</i></p>
--	---

mais je pense qu'il les valide pour éviter que n'importe qui se présente à sa porte. Et pour la tribune – encore plus puisqu'il y a très peu de places...

(Международная жизнь, 2018)

фильтруют и приглашенных на почетную трибуну, так как там очень мало места.

В данном примере видно, что господин Малиновский не уверен в том, что Президент Российской Федерации сам лично рассылает приглашения, однако он их утверждает. В переводе не указана данная часть – «pour éviter que n'importe qui se présente à sa porte», что переводится как «чтобы избежать случаев, когда с ним встречается непонятно кто». Переводчик снова прибегнул к приему опущения, так как в данном контексте информация была излишней. Однако в переводе сместился акцент: получилось так, что приглашенных «фильтруют» лишь по причине того, что на почетной трибуне было мало мест, а не из соображений безопасности. Данное упущение можно рассмотреть как логическую ошибку. Также господин Малиновский выразил свою неуверенность в том, что Владимир Владимирович Путин лично рассылает приглашения, что тоже было опущено переводчиком как излишняя информация.

Представляется, что рассмотренные переводческие решения обусловлены конфликтом нарративных структур, происходящем по причине несовпадения элемента «помощник» двух рассказчиков: для российских СМИ помощник – это сам П. Малиновский. Безличная конструкция «тщательно фильтруют» заменила оригинальную личную (*qu'il les valide*). Устранение лишних подробностей относительно организации безопасности Президента и мероприятий с его участием отражает то, что для российских СМИ Пьер является всего лишь «помощником» для России, и он не может иметь ни малейшего понятия о том, как именно происходят внутренние процессы в слоях политической элиты. Русскоязычные СМИ, используя прием опущения при переводе, иерархически понижают статус П. Малиновского на фоне российской политической элиты.

<p>16) - <i>La rencontre a été facilitée énormément par M. Peskov que j'avais rencontré une semaine avant et qui a apprécié beaucoup mon travail</i> (Международная жизнь, 2018).</p>	<p>- Необыкновенно много для меня в этом смысле сделал господин Песков, с которым мне удалось встретиться за неделю до этого и который выразил мне свое удовлетворение проделанной мной работой.</p>
---	---

В приведенном выше примере в оригинальном тексте говорится, что господин Песков «высоко оценил мою работу». На русский язык данную фразу передали как «выразил мне свое удовлетворение проделанной мной работой», сделав фразу более сдержанной и менее оценочной. Таким образом была убрана та эмоциональность, которая изначально закладывалась в исходном тексте. Конфликт перевода и оригинала происходит также на почве нарративного элемента «помощник», статус которого для российских СМИ и имеет французский археолог. В русской культуре высоко ценится статус человека властьпридержащего, и политик, обладающий таким статусом, не может выражать слишком глубокие чувства по поводу проделанной кем-то другим работы – подобная высокая оценка одновременно лишает политика его авторитета. Что же касается метода прагматической адаптации, то в данном случае была использована генерализация.

<p>17) - <i>J'avais appris seulement 4 jours à l'avance que j'allais rencontrer Poutine</i> (Международная жизнь, 2018).</p>	<p>- И всего лишь за 4 дня до самого события я неожиданно узнал, что буду иметь честь встретиться с В. В. Путиным.</p>
--	---

В данном примере было применено добавление – в исходном тексте просто упомянуто о том, что археолог встретится с Президентом Российской Федерации. Хотя изначально господин Малиновский показывал свое теплое отношение к главе России, в этом конкретном высказывании он не упоминал о том, что это будет для него честью. Однако переводчик добавил в перевод текста фразу «буду иметь честь», что придает предложению оттенок торжественности. Налицо вновь конфликт текста оригинала и перевода из-за

несовпадения элемента нарратива «помощник», но только в данном пассаже мы наблюдаем обратный случай, по сравнению с пр 16: если в рассмотренном выше примере опускалась какая-то часть слов археолога для того, чтобы показать статусность человека, то на этот раз наоборот фразу добавили, чтобы сохранить и усилить имидж человека (главы государства), с которым Пьер Малиновский встретится в будущем.

<p>18) - <i>Il fallait s'y préparer psychologiquement déjà parce que vous avez là affaire au plus grand président du XXI-ième siècle qui va vous accorder quelques minutes...</i> (Международная жизнь, 2018)</p>	<p>- Вы понимаете, что мне потребовалось время, чтобы даже психологически к этому подготовиться, так как речь идет о великом президенте двадцать первого столетия. И лидер такой величины соглашается уделить Вам несколько минут...</p>
---	---

В данном примере (пр. 18) снова был использован метод добавления, так как предложение разбили на две части, отчего новую фразу нужно было начинать с подлежащего. Для того чтобы сохранить общий тон восхищения, который преобладает в речи археолога («vous avez là affaire au plus grand président du XXI-ième siècle» – «речь идет о великом президенте двадцать первого столетия»), переводчик начинает фразу с «лидер такой величины», чтобы подчеркнуть важную роль президента в жизни не только Пьера Малиновского, но и в жизни россиян, а также мировой общественности. Что касается конфликта в нарративной структуре, то здесь является несовпадение в элементе «субъект»: для Пьера Малиновского достаточно один раз упомянуть о том, насколько сильно он восхищается Владимиром Владимировичем Путиным, но для СМИ необходимо это подчеркнуть. Именно для этого и была добавлена данная фраза.

<p>19) - <i>J'étais déjà sur place au Centre Spirituel russe parce que j'ai</i></p>	<p>- Я уже дожидался приезда президента в Духовном Центре России, куда я</p>
---	--

<p><i>attendu 5 heures: c'est tellement cadenassé et c'est un tel niveau d'organisation qu'il faut vraiment arriver 5 heures à l'avant! Sinon vous ne rentrez plus!</i> (Международная жизнь, 2018)</p>	<p>прибыл за 5 часов до события. Это было необходимо в связи с мерами безопасности: если бы я приехал позже, то не попал бы вовнутрь здания, так как весь квартал был уже под замком.</p>
---	---

В приведенном примере фраза «*c'est un tel niveau d'organisation*» была передана как «это было необходимо в связи с мерами безопасности». Хотя фраза и имеет значение «в связи с подобным уровнем мероприятия», с помощью конкретизации переводчик изменил ее в тексте перевода, чем не нанес ущерба переводу, передав изначально вкладываемый смысл в исходном тексте. Однако в плане нарративной структуры данная замена является идеологической. Переводчик постарался передать, что русская система безопасности надежна и скрупулезна, поэтому использовать дословный перевод является невозможным по причине несовпадения дестинаторов двух рассказчиков – ведущая сила в нарративной структуре российских СМИ – это исключительность русского народа, России, поэтому все, что связано с этим народом и государством должно носить исключительный характер.

<p>20) - <i>Et il a écouté attentivement mon récit sur tous les objets exposés. Je lui ai même dressé un plan de l'attaque des Russes. Ça a semblé vraiment le passionner. Je lui ai montré l'endroit exact sur mon schéma où j'avais trouvé le soldat</i> (Международная жизнь, 2018).</p>	<p>- И он очень внимательно выслушал мой рассказ по поводу экспозиции. Я ему даже начертил план-диспозицию русских и указал на схеме, в каком месте я нашел моего солдата.</p>
---	--

В данном случае была опущена фраза «*ça a semblé vraiment le passionner*», что переводится как «кажется, его это на самом деле очень заинтересовало». Подобная фраза не несет никакой смысловой нагрузки для

читателя. Однако в переводе вновь оказывается упущена эмоциональность и высокая мелиоративность фразы французского археолога. Ему важно, чтобы его работу оценили, и если это сделает кто-то из ключевых политических фигур, то это отразится на его карьере. Поэтому подобное упущение может негативно сказаться на изначальном послы, который закладывал говорящий в свои слова. В плане конфликта перевода и исходного текста наблюдается та же проблема, что и в некоторых примерах выше: Пьер для России является лишь помощником, отчего нужно проявлять сдержанную реакцию на его работу. Что же касается приема прагматической адаптации, то было использовано опущение.

21) - <i>Je pense qu'il a apprécié ce que je fais pour la Russie</i> (Международная жизнь, 2018).		- Думаю также, что он вполне оценил мой вклад в российско-французские отношения .
---	--	--

В этом примере сместился акцент: говорящий изначально имел в виду свой вклад именно для России, отчего он употребил «pour la Russie». В переводе это же отображено как «российско-французские отношения», что можно было бы в ином контексте рассматривать как верный вариант, однако не в этом случае. В переводе имеется в виду именно политическая составляющая, то есть с помощью какого-то действия была проделана работа по укреплению отношений между странами. Однако господин Малиновский имел в виду культурный аспект – возвращение исторической памяти о судьбе Русского экспедиционного корпуса, долгое время считавшейся утерянной. В данном случае переводчиком была применена генерализация. Данный прагматически конфликтный перевод обусловлен несовпадением содержания актанта «объект» в нарративах российских СМИ, с одной стороны, и П. Малиновского – с другой. Если для первых объектом является продвижение идей патриотизма и улучшение имиджа России на международной арене, то для второго – это успех проводимых им раскопок.

22) - <i>Je pense que ça le change</i>		- Мне также показалось, что мой
--	--	---------------------------------

<p><i>aussi de sa routine habituelle – la politique et tout ça! Il voit qu’il y a des jeunes Français qui admirent la Russie et qui font des choses pour la Russie et pour l’amitié!</i> (Международная жизнь, 2018)</p>	<p>проект помог президенту несколько отойти от своей политической рутины. А потом, как мне кажется, он понял, что есть такие молодые французы, кому не безразличны Россия и дружба с ней!</p>
--	---

Переводчик добавил фразу «как мне кажется», хотя Пьер употребил данное выражение только один раз в оригинальном тексте. Использование метода добавления в данном случае обусловлено ролью помощника, уготованной российскими СМИ, в их нарративной структуре, П. Малиновскому. И как таковой он не может говорить что-то определенно относительно мнений и суждений главы российского государства, занимающего в нарративе российских СМИ позицию субъекта. Данный прием был использован для того, чтобы подчеркнуть сомнения господина Малиновского по поводу того, как именно отреагировал президент Российской Федерации на плоды его трудов.

<p>23) - <i>Je crois que c’est un sujet porteur et ce que vous avez fait, cadre parfaitement avec la ligne de mire de Poutine qui ne gère pas la politique au jour-le-jour, mais possède une vision stratégique</i> (Международная жизнь, 2018).</p>	<p>- <i>Ваше начинание дорого сердцу любого россиянина – тем более, взгляду на мир Владимира Путина, который явно не относится к политике, как к серой повседневности, но обладает стратегическим видением международных отношений.</i></p>
--	---

Примерным переводом фразы «je crois que c’est un sujet porteur» является «я уверен, что ваша работа очень важна», но она была передана как «ваше начинание дорого сердцу любого россиянина». Подобная модуляция была использована с целью пробуждения в россиянах интереса к данной проблеме, а также для того, чтобы подчеркнуть, что каждый житель России гордится своим историческим прошлым, отчего в его сердце всегда живет патриотизм. Переводчик использовал данный прием, чтобы выделить данную

фразу из общего контекста, подчеркнуть ее значимость, хотя в оригинале она была сказана достаточно формально. В данном случае для усиления эмоциональности текста была применена конкретизация, что в примерах, приведенных выше, наоборот, не было характерно для перевода. Что касается роли нарратива в выборе переводческого решения, то здесь налицо несовпадение содержания позиций дестинаторов в двух нарративах: для П. Малиновского дестинатор – это профессиональное желание докопаться до истины, а для российских СМИ – идея об исключительности русского народа, последняя как раз и обусловила пафос добавленного переводчиком пассажа.

24) - <i>Pour ce qui est de vos recherches, vous avez réussi à mettre en valeur, à mon sens, un moment fort dans l'histoire des deux pays: la Grande Guerre</i> (Международная жизнь, 2018).	- <i>А потом Вы затронули некую очень чувствительную для всех нас струну: ведь наш русский солдат умер за Францию!</i>
--	---

В этом примере (пр. 24) мы вновь, как и в предыдущем, наблюдаем переключение регистра с нейтрального (в оригинале) на возвышенно-эмоциональный (в переводе). Часть фразы «la Grande Guerre» была передана как «ведь наш русский солдат умер за Францию!» с целью показать жертвенность русского народа в то время, пробудить в читателе патриотические чувства. В России в последнее время идея патриотизма очень широко распространяется, так как именно она помогает удерживать народ вместе. В приведенном случае выражение «Великая Война» мало кем будет воспринято, так как тема Первой мировой войны в нашей стране не поднималась уже многие десятилетия в связи с изменениями во внутренней политике государства тех времен. Однако можно передать данную фразу с помощью эмоционально окрашенной лексики, которая заставит задуматься о том, что в то время русский народ действительно сделал многое для своих союзников. Переводчик успешно прибегнул к такому методу прагматической

адаптации текста, как «конкретизация» с целью отразить позицию дестинатора нарратива – «русской идеи»: нейтральное «Мировая война» было заменено на «умер за Францию!», что подчеркивает исключительность русской нации. Это яркий пример несовпадения дестинаторов.

<p>25) - <i>J'ai été militaire pendant 8 ans en France et mon père est historien sur la Première Guerre Mondiale. Il a écrit plusieurs ouvrages sur la région du Chemin-des-Dames</i> (Международная жизнь, 2018).</p>	<p>- 8 лет я отслужил в рядах французской армии. А мой отец – историк Первой Мировой. Он даже написал несколько книг о военных операциях тех лет, в непосредственной близости от нашего поселения.</p>
--	--

В пр. 25, наоборот, наблюдается генерализация исходного текста: в данном случае, когда историк говорит «la région du Chemin-des-Dames», то он имеет в виду битву в этом регионе, о чем большинство россиян просто не знает. Причиной этому служит опять же то, что Первой мировой войне уделяется недостаточное количество внимания в СМИ, в иных источниках информации, отсюда вытекает незнание ключевых моментов данного периода истории человечества. Поэтому переводчик прибегнул к генерализации, что в данном контексте считается уместным, хоть и было заменено весьма обширным понятием.

<p>26) - <i>Et un jour, il me dit, lorsque j'étais encore militaire: «Tu sais, Pierre, il y a des soldats russes qui sont venus ici et qui ont combattu dans notre région»</i> (Международная жизнь, 2018).</p>	<p>- И вот однажды, еще в мою бытность военным, он мне и говорит: «Знаешь, Пьер, у нас тут в окрестностях похоронено много солдат, сражавшихся за нашу землю в Первую Мировую...»</p>
---	---

В данном случае при переводе было распространено выражение «qui ont combattu dans notre région» и передано как «сражавшихся за нашу землю в Первую Мировую». Причина опять же заключается в таком подборе слов,

которое пробудит в читателе определенные чувства гордости за то, что солдаты помогали своим союзникам. Если это передать дословно, то есть «которые сражались в нашем регионе», то подобная фраза не будет иметь нужного воздействующего эффекта и будет лишена патетичности. Именно для этого был применен метод генерализации на почве конфликта дестинаторов двух рассказчиков: регион стал «нашей землей», то есть более широким и эмоционально, а также идеологически окрашенным понятием, нежели то, которое употребил историк в своей речи.

<p>27) - <i>Mais à l'époque, personne ne connaissait cette histoire: je savais, entre autres, qu'il y avait des Allemands, des Français, des Américains, mais d'habitude on ne parlait jamais des Russes!</i></p> <p>(Международная жизнь, 2018)</p>	<p>- Тогда еще никто об этом не задумывался. Да, мы все знали, что на наших полях сражались немцы, французы, англичане, американцы, но вот русские... О них мы никогда не говорили.</p>
--	--

В приведенном примере прослеживается сразу два приема. В первом случае историк говорит «je savais», то есть «я знал», тогда как в переводе мы видим «мы все знали». Данный прием был использован для того, чтобы показать, что никто из жителей Франции не задумывался о том, что русские участвовали в боевых действиях на территории их страны, хотя Пьер Малиновский говорит лишь от своего имени. В этом случае вновь была применена генерализация. У данного переводческого приема есть и иная – прагматическая – цель подчеркнуть масштаб исторического неведения Франции. Подоплекой данного переводческого приема является несовпадение в нарративных элементах «предатель»: в переводе степень исторического неведения европейцев утрируется и генерализируется, поскольку именно Европа, европейские страны и общества занимают позицию предателя в нарративе о Русском экспедиционном корпусе в российских СМИ, в то время как эта нарративная позиция совершенно не представлена у П. Малиновского.

Во втором случае наблюдается добавление: в исходном тексте говорящий не называл среди участников боев на территории Франции англичан, а упомянул лишь немцев, французов и американцев («des Allemands, des Français, des Américains»), однако в тексте перевода также были употреблены и англичане. Скорее всего, этот прием был использован для того, чтобы образно говоря, объединить всех антагонистов России под одним флагом. Подобный переводческий прием связан с уже упоминавшимся местом всех европейских держав в позиции предателя в нарративной структуре дискурса российских СМИ.

<p>28) - <i>Donc je me suis posé la question pourquoi je ne connaissais rien sur la Russie, et je me suis dit: il faut que je trouve un soldat russe! Et je me suis dit: il faut que je trouve un soldat russe! Pourquoi faire? Mais tout juste pour prouver à la France qu'il y en avait ici!</i> (Международная жизнь, 2018)</p>	<p>- Тогда я себе и задал в первый раз вопрос: а почему я об этом ничего не знаю? Тогда же я и решил обязательно раскопать место боев и найти останки русских солдат. Зачем мне это было надо? Да я просто хотел доказать Франции, что русские действительно сражались за нашу Родину!</p>
---	--

В первом случае в оригинальном тексте не упоминается острая необходимость в том, чтобы историк начал раскопки мест битвы. В переводе этой фразы переводчик использовал конкретизацию «я решил обязательно раскопать место боев и найти останки русских солдат», так как в исходном тексте археолог говорит более сдержанно и обобщенно «il faut que je trouve un soldat russe!» («необходимо найти тело солдата»). Подобный прием был использован для все той же цели, которая была описана выше – сфокусировать внимание на русской идее, на славе русских воинов, поскольку идея исключительности русского народа заполняет позицию дестинатора в нарративной структуре повествования о событиях военной истории России в отечественных СМИ.

В следующем примере фраза «*mais tout juste pour prouver à la France qu'il y en avait ici*» («да я просто хотел доказать Франции, что они там действительно захоронены»), передали как «да я просто хотел доказать Франции, что русские действительно сражались за нашу Родину». Снова переводчик прибегнул к более эмоционально окрашенной лексике, патетической возвышенной тональности пассажа для все той же цели. Вновь использована конкретизация как метод прагматической адаптации текста, а в плане нарративной структуры конфликт вновь произошел по причине несовпадения дестинаторов.

<p>29) - <i>Parce que je savais que rien que sur les cent hectares où j'habite, il y avait quelques 700 soldats russes qui périrent pendant la bataille</i> (Международная жизнь, 2018).</p>	<p>- Дело в том, что я знал, что даже на тех 100 гектарах, где расположено наше поселение, погибло около 700 россиян.</p>
--	---

Пассаж «700 soldats russes» («700 русских солдат») передан как «700 россиян». По сути данная лексическая замена не слишком выделяется из контекста, но во времена Первой мировой войны сначала были солдаты Российской империи, которые затем, после Октябрьской революции, были объявлены изменниками. «Россияне» может быть использовано только к жителям современной России, но никак не к подданным Российской империи. Подобный прием мог быть использован для того, чтобы «перебросить мостик» между славным прошлым Российской империи и современной Россией, объединив всех русских под родовым именем «россияне», которые и являются в нарративной структуре отечественных СМИ «получателем», т. е. тем, на кого направлен результат действия некой силы – дестинатора. Примененный метод адаптации относится к генерализации, так как «русские солдаты» передается как «россияне».

30) - *Je ne m'attendais pas à avoir le résultat de mes recherches le jour même de Noël* (Международная жизнь, 2018). | - *Не думал я, что именно на Рождество, сбудется мое чаяние.*

Слово «чаяние» является словом высокого, книжного стиля, которое не используется в разговорной речи. Оно используется тогда, когда человек сильно надеется на что-то и его ожидание тут же вознаграждается. В исходном тексте было использовано «le résultat de mes recherches», то есть «результаты моих исследований (в данном контексте уместнее употребить «раскопок»)). Тем не менее, так как здесь использован религиозный праздник, то и слово «чаяние» хорошо вписывается в данный контекст, привнося в речь говорящего эмотивность. Данную замену можно отнести к конкретизации, которая умело передает необходимую переводчику мысль, которую он пытается донести до читателя. Использование лексики высокого стиля в переводе характерно при несовпадении дестинаторов.

31) - *Mon père m'assistait dans mes recherches archéologiques et c'est lui qui a déclaré immédiatement qu'il s'agissait d'un Russe* (Международная жизнь, 2018). | - *Мой отец помогал мне с раскопками. Именно он немедленно заявил, что мы обнаружили останки именно русского воина.*

Словосочетание «русский воин» также имеет некий фольклорный оттенок, который показывает, насколько готовы русские пожертвовать собой в войне за союзников. Можно также провести параллель с «богатырем», что делает исключительным русского человека на войне. В оригинале господин Малиновский употребил более распространенную и менее маркированную номинацию «русский», которая, однако, не вписывается в создаваемую для читателя патриотическую картину, что, опять же, происходит по причине несовпадения дестинаторов. Подобные приемы уже не раз анализировались выше. В этом случае он прибегнул к конкретизации.

<p>32) - <i>On a appelé la Gendarmerie, les archéologues et le Ministère de la Culture. On nous a répondu qu'il faudrait attendre quelques jours à cause de la période des fêtes de Noël</i> [Международная жизнь, 2018].</p>	<p>- Мы немедленно связались с местным полицейским подразделением и позвонили в Минкультуры. Нам ответили, что вообще-то люди празднуют.</p>
---	--

При подобном переводе читатель сразу же негативно настроен к тому, что Пьер Малиновский столкнулся с какими-либо проблемами. Слово «вообще-то» является довольно разговорным и имеет в большинстве случаев саркастический оттенок, отчего создается впечатление, что ответили археологу намеренно высокомерно. Переводчик использовал данный прием, чтобы вызвать больше сопереживания у читателя и, возможно, некоторое возмущение, а также представить в образе предателя того, кто стоит на пути у историка. Однако в исходном тексте Пьер лишь говорит, что «Нужно было подождать несколько дней, пока не пройдут новогодние праздники». Смысл данной фразы совпадает со смыслом фразы в переводе, однако не несет такой стилистики, которую необходимо соблюсти в данной статье. Что же касается метода прагматической адаптации текста, то здесь была применена генерализация: от частного «Нового года» к общему «люди празднуют».

<p>33) - <i>On l'a inhumé dans un cimetière français le 22 mars 2017, en présence du Secrétaire d'Etat aux anciens combattants</i> (Международная жизнь, 2018).</p>	<p>- 22-ого марта 2017-ого года этот неизвестный солдат был предан земле на местном военном кладбище, в присутствии госсекретаря по делам ветеранов Франции.</p>
---	---

Использование высокого стиля всегда пробуждает в человеке потаенные чувства, о которых он даже не задумывается. Словосочетание «был предан земле» звучит торжественно, величественно по сравнению с тем же синонимом «захоронен». Согласно словарю Larousse, «inhumer» означает «mettre un mort en terre avec les cérémonies ordinaires», что переводится как

«захоронить мертвого, проведя соответствующую церемонию». По своей сути, использованное в переводе словосочетание передает смысл, однако акцентирует эмоциональную составляющую. Переводчик прибегнул к конкретизации, подобрав один из контекстуальных синонимов. В случае же нарративной структуры – мы вновь имеем дело с несовпадением дестинаторов.

<p>34) - <i>Mais une fois n'est pas coutume parce que c'était d'une importance vitale! C'est que je l'ai trouvé trois mois avant le centenaire de cette offensive fatale où il trouva sa mort!</i> (Международная жизнь, 2018)</p>	<p>- Но исключение подтверждает правило, а тут был важный повод: Франция готовилась отметить 100-летнюю годовщину крупномасштабного наступления, выбившего немцев из Франции.</p>
--	---

Акцент в приведенном примере сместился: господин Малиновский говорит, что он нашел тело погибшего солдата за три месяца до столетней годовщины Великого наступления, во время которого этот солдат и погиб. То есть, по сути, речь идет именно о солдате, которого в последствии можно захоронить на столетие годовщины. В переводе же акцент делается на то, что во время данного наступления немцы были вытеснены из Франции. Это в корне меняет восприятие текста, так как изначально заложенный смысл был иным. Здесь можно рассмотреть сразу два приема прагматической адаптации текста: во-первых, это добавление, так как в исходном тексте не было ни слова о немцах, а во-вторых, генерализация – от частного «солдата» к общему «масштабному наступлению».

Что же касается конфликта в переводе в плане нарративной структуры, то можно выделить сразу два элемента: прежде всего, была использована дополнительная фраза о немцах для того, чтобы вызвать у читателя дополнительные ассоциации со Второй мировой войной, то есть здесь угадывается ориентация на получателя сообщения. Второй случай – это несовпадение дестинаторов: с точки зрения российских СМИ, дабы усилить

патриотическую идею, было необходимо подчеркнуть, что русские солдаты участвовали в крупномасштабном наступлении.

<p>35) - <i>Ça aide aussi la Russie à recoller son histoire : il y a eu la période soviétique d'accord, mais aussi l'époque tsariste! Pour ce qui est des Français, le fruit de mes recherches doit leur prouver qu'il y a eu du sang russe qui a coulé dans notre terre. Ce qui, réflexion faite, est très important pour le Centenaire</i></p> <p>(Международная жизнь, 2018).</p>	<p>- Мне кажется, что такие воспоминания помогают России связать воедино историческую ткань собственного прошлого, так как не следует забывать, что, наряду с советским периодом истории, у России было и царское прошлое. Все это крайне важно помнить накануне столетней годовщины 17-ого года.</p>
--	---

Выделенная фраза в примере была вовсе опущена и не переведена. В ней говорится о том, что «французам же плоды моих исследований должны доказать, что русские проливали кровь на французской земле». Данная фраза была устранена из перевода, так она отражает нарративную позицию дестинатора, характерную для П.Малиновского (докопаться до истины), а не российских СМИ (показать исключительность и величие русского народа). Соответственно, предложение о том, как помогут плоды исследований археолога французам, было решено убрать из текста перевода в силу того, что перевод ориентирован на другого получателя. В данном примере переводчик прибегнул к опущению.

<p>36) - <i>Grâce à ces efforts on rend hommage à ces 6 mille Russes morts en France pour notre pays</i></p> <p>(Международная жизнь, 2018).</p>	<p>- Ведь этими нашими усилиями мы отдаем дань памяти тем 6 тысячам русских воинов, кто пал за наше Отечество.</p>
--	---

Слово *Отечество* также относится к высокому стилю, что, несомненно, придает характерную стилистическую окраску тексту. Как упоминалось выше, высокий стиль необходим для продвижения идей патриотизма в СМИ, поэтому и было использовано данное слово.

Безусловно, оно является одним из вариантов перевода слова *raus*, которое может также переводиться как «государство», «страна», «родина» в зависимости от контекста. В данном случае перевод уместен, однако использование контекстуального синонима является также обоснованным именно поставленной целью субъекта повествования. С тем же успехом можно было использовать слово *страна*, но *Отечество*, причем с заглавной буквы, создает ауру патриотизма, оказывая больший воздействующий эффект на российского читателя. В данном примере была применена конкретизация.

<p>37) - <i>Il a dû prendre ces effets de sa maison; elles auraient dû revêtir une valeur émotionnelle pour lui. Remarquez qu'il ne s'agit pas de matériel réglementaire</i> (Международная жизнь, 2018).</p>	<p>- Он, наверное, захватил часть вещей из дома, потому что они явно не входили в воинскую экипировку.</p>
---	--

Прибегнув к опущению информации, переводчик потерял главный элемент повествования в исходном тексте – ответ на вопрос, зачем он (солдат) захватил с собой часть вещей из дома. Возможно, данная информация и могла показаться лишней, так как слово *дом* чаще всего ассоциируется с местом, где находится семья человека, где ему комфортно. Тем не менее, он мог случайно взять данные вещи, по ошибке. Но Пьер Малиновский уточняет, что «возможно, эти вещи были важны для него в эмоциональном плане». То есть, таким образом он поддерживал свой боевой дух, вспоминая о доме и надеясь, что он вернется к семье. Именно поэтому данную информацию не стоило опускать, хотя на первый взгляд она не несет никакой смысловой нагрузки.

Что касается конфликта перевода и исходного текста в плане нарративной структуры можно отметить, что излишняя эмоциональность и «человечность», сквозящие в оригинальном пассаже (*возможно, эти вещи были важны для него в эмоциональном плане*) мешает созданию образа

идеологически стойкого, непоколебимого солдата тех времен, который необходим сегодня российским СМИ для продвижения идеи патриотизма. Иначе говоря, имея различную цель (дестинатора), два рассказчика по-разному относятся к данной ситуации.

38) - <i>Pour revenir à des choses un peu plus terrestres, vous, ancien militaire français, pourquoi vous êtes-vous mis à vous intéresser à la Russie?</i> (Международная жизнь, 2018)	- <i>И все же, почему Вы – чистый француз да еще и кадровый военный, вдруг заинтересовались историей нашей страны?</i>
---	---

В оригинале говорится, что Пьер является бывшим французским военнослужащим, то есть на данный момент он уже не служит в Вооруженных силах Франции. В переводе данное понятие расширили и изменили. Во-первых, было использовано выражение «чистый француз», чтобы подчеркнуть, что господин Малиновский не имеет и не имел никаких связей с Российской Федерацией, чтобы показать, насколько он был отдален от культуры и истории России. Данное добавление информации заставляет читателя детально рассмотреть данного человека и задаться вопросом «Действительно, почему такого далекого от истории России человека заинтересовало ее военное прошлое?». Ответ подсказывается самим контекстом: «потому что это прошлое овеяно славой и героизмом», что, в свою очередь, соответствует содержанию позиции дестинатора в нарративной структуре, которой придерживаются отечественные СМИ. Во-вторых, было употреблено «кадровый военный», то есть военнослужащий, который находится на действительной службе, что в корне противоречит тому, что было сказано в исходном тексте. Возможно, данное изменение информации было использовано намеренно все с той же целью, что и использование «чистокровного француза» – пробудить интерес к данному персонажу и мотивам его деятельности. К сожалению, данное высказывание разнится с действительностью.

Для того чтобы сделать высказывание ориентированным на русскоязычного получателя сообщения, была использована именно такая структура. Данное переводческое решение обусловлено несовпадением содержания нарративного актанта дестинатора в русской и французской традиции повествования о данном событии военной истории: формулировки *чистокровный француз* и *кадровый военный* подчеркивают, с одной стороны, удаленность данного человека от России, а с другой – его авторитетность (кадровые военные в России всегда имели высокую степень социального престижа). При этом достигается повышение значимости российской истории: даже такой далекий от России, но чрезвычайно достойный человек заинтересовался ее историей.

<p>39) - <i>Pour la première fois, j'avais foulé le sol russe en septembre 2014. Au bout de 6 mois, j'avais commencé à apprécier la Russie</i> (Международная жизнь, 2018).</p>	<p>- <i>В первый раз я ступил на русскую землю в сентябре 2014-ого. Через полгода я начал кое-как разбираться в местной действительности.</i></p>
---	---

Фраза «*j'avais commencé à apprécier la Russie*» переводится как «мне начала нравится Россия», то есть только спустя полгода Пьер смог найти очарование в той стране, которую на данный момент обожает. «Я начал кое-как разбираться в местной действительности» не несет того посыла, который был заложен в исходном тексте. Выделенная в тексте перевода фраза, скорее, отображает то, насколько сложно человеку разобраться в многообразии чужой культуры, насколько это долгий и трудоемкий процесс, но совсем не то, что имел в виду Пьер Малиновский. Скорее всего, причиной таких расхождений в тексте оригинала и перевода является несовпадение в содержании нарративного элемента «помощник», позицию которого для российских СМИ занимает французский археолог – в таком статусе он просто не может так быстро полюбить Россию, великое и многогранное государство – для этого нужно время. СМИ намеренно создают образ страны как чего-то неприступного и стойкого, открывающегося не каждому. Россию

нужно покорить, чтобы она ответила взамен. В этом послые также видна роль нарративного актанта «дестинатор», поскольку подчеркивается исключительность страны и ее народа. Прибегнув к конкретизации, переводчик не смог передать без искажений смысл того, что сказал Пьер Малиновский, но ему удалось выразить идеологически необходимую идею.

40) - <i>Très souvent la politique n'est composée que du vent, des propos en l'air. Alors qu'il faut faire des vrais projets en vous investissant à 100%</i> (Международная жизнь, 2018).	- К сожалению, слишком часто политика сводится к сотрясанию воздуха, то есть пустым речам. В то время как, чтобы преуспеть надо трудиться над стоящим делом и вкладываться в него всей душой.
---	--

Перевод можно разбить на несколько частей для анализа. Прежде всего, обратимся к концу выделенной фразы. Когда человек видит цифру, то зачастую это вызывает некоторую сосредоточенность, собранность. Это значит, что данная информация относится к разряду статистической информации. Так как «вкладываясь на 100 процентов» не очень соответствует стилистике интервью, то в переводе это словосочетание заменили на «вкладываться в него всей душой». Данный пример можно отнести к реализации метода конкретизации. Следующий случай для рассмотрения – это словосочетание в переводе «стоящее дело». По сути, «des vrais projets» больше относится к законопроектам, так как речь идет именно о политике.

Но для того, чтобы сохранить эмоциональную составляющую, было применено словосочетание «стоящее дело», относящееся к высокому стилю, с целью подчеркнуть, что настоящая, искренняя политика – всегда стоящее дело. Этот случай также относится к методу конкретизации. Последний случай – сочетание «трудиться над». В оригинале уместнее было бы использовать «разрабатывать», так как именно этот глагол наиболее контекстуально соответствует словам *проект* или *законопроект*. Но в переводе использован вариант, который акцентирует внимание на том, что

необходимо приложить некоторые усилия для получения результата. Данный случай тоже иллюстрирует метод (стратегию) конкретизации. Таким образом, вся фраза была переведена с помощью метода конкретизации, но все три части необходимо было рассмотреть детальнее, чтобы проследить логику, которой руководствовался переводчик при подборе лексических единиц. Выделенная в пр. 40 фраза в плане конфликта перевода и исходного текста соответствует несовпадению в субъектах нарративной структуры – переводчик показывает, насколько преданы своему делу российские политики, в то время как в речи господина Малиновского настолько сильного акцента на это не делалось.

41) - <i>Sans mandat, vous n'existez plus! Quant à mon projet, il dépasse les bornes d'un geste politique. Je me suis vu d'ailleurs octroyer la plus haute distinction russe pour étrangers – la médaille de l'Amitié!</i> (Международная жизнь, 2018)	- Если Вы не добиваетесь Вашего мандата, все остальное ни к чему! Мой же проект я даже не расцениваю как просто политический: он относится к сфере культуры, а также к сотрудничеству в области истории. Между прочим, усилия были оценены Россией, так как я получил самую высокую награду для иностранцев – медаль Дружбы Народов!
--	---

В исходном тексте П. Малиновский лишь упоминает о том, что его проект выходит за рамки политики. Далее он описывает факт получения медали Дружбы Народов. В тексте перевода была употреблена дополнительная информация, которая содержит в себе раскрытие тех слов, которые упоминал господин Малиновский ранее. В этом случае добавление не изменяет смысл, а лишь уточняет информацию, добавляя целостности в высказывание. Это делается с целью быть ориентированным на получателя,

коим является русский народ. Для него необходимо пояснить, где именно видит себя археолог, если не на политическом поприще.

<p>42) - <i>Je m'y suis rendu d'abord la semaine dernière en visite de 3 jours en me faisant inviter pour un Forum avec Mme Matviïenko, la présidente du Sénat de Russie, et M. Axionov. L'événement était consacré à la langue russe. On a pu discuter après le dîner. Elle m'a dit: «Je vous connais!» Elle était au courant de mon projet. Je trouve que c'est une très grande dame et très intelligente aussi</i> (Международная жизнь, 2018).</p>	<p>- Сначала на прошлой неделе я отправился туда на 3-дневную Конференцию, на которой присутствовали глава российского Сената госпожа Матвеевко, а также и господин Аксенов. Событие было посвящено русскому языку и его роли в мире. После ужина, мне удалось поговорить с госпожой Матвеевко. Это действительно женщина с государственным умом. Она мне сказала, что знает меня и в курсе того, что я делаю.</p>
--	--

В пр. 42 будут рассмотрены сразу два случая. В первом использовано добавление: в исходном тексте было упомянуто, что событие было посвящено русскому языку, однако в переводе также добавлена информация о том, что обсуждалась и его роль в мире. Данное добавление не перегружает предложение, но возможно, оно было использовано с целью подчеркнуть, что русский язык очень важен в мировом сообществе, являясь шестым по распространенности в мире. В плане же нарративной структуры это было сделано с целью подчеркнуть исключительность русского человека, его роли в мире, что относится к дестинатору. Во втором случае была употреблена конкретизация: в исходном тексте Пьер упоминает, что госпожа Матвиенко – действительно великая и очень умная женщина. О ее складе ума ничего сказано не было. «Государственный ум» в данном контексте может быть употреблен, но учитывая, что в оригинале про это сказано не было, то данная информация является некорректной. Здесь идет несовпадение помощников,

то есть Пьер Малиновский не может говорить столь банальные вещи о чиновниках такого ранга.

<p>43) - <i>C'est peut-être de petits détails, mais, à titre d'exemple, il n'y a pas de réseau en Crimée! J'étais arrivé à l'aéroport et mon portable était mort! Et il y a zéro opérateur! Ma carte bleue a été, elle aussi, hors de service. Impossible de retirer la moindre somme!</i> (Международная жизнь, 2018)</p>	<p>- Возможно, это мало значимые вещи, но вот, например, когда мой самолет приземлился, мой телефон не нашел сети. Оказалось, что если не купить местный чип, то связь невозможна. То же и с моей кредитной карточкой, так как банковский хостинг там отсутствует и деньги, получается, снять нельзя!</p>
--	--

В данном примере (пр. 43) наблюдается сразу два случая применения стратегий прагматической адаптации текста: в первом случае использовано добавление информации. П. Малиновский просто рассказывает о том, как у него не было связи, как только он приземлился в аэропорту. Он был не в курсе таких тонкостей, которые упомянул переводчик, что, в принципе, логично, но и в тексте перевода тогда не должно быть озвучено данной информации, так как это меняет восприятие текста. Во втором случае был использован прием конкретизации. Господин Малиновский также упомянул, что его банковская карта была «вне зоны действия обслуживания». В переводе упомянуто несколько иное понятие – «отсутствие банковского хостинга». Опять же сам археолог не в курсе того, что на самом деле происходит на полуострове. Данная информация была бы уместна в сноске, но никак не в переводе.

Многие жители России зачастую даже не представляют, с чем сталкивается полуостров Крым, когда речь заходит о санкциях. Именно поэтому и были использованы данные добавления с целью пробудить интерес к данной проблеме, показать всю ту реальность, которую пытаются скрыть западные СМИ. В данном случае можно выделить сразу два элемента нарратива, которые не совпадают при переводе – получатель и предатель.

<p>44) - <i>Ce n'est pas parce que l'UE va dire qu'il y a des sanctions que je ne vais pas y aller! Bruxelles est une dictature en puissance et ils n'ont pas d'ordres à donner à la Russie. Je suis désolé, mais les Etats-Unis sont de l'autre côté de l'Atlantique tandis que la Russie c'est chez nous, en Europe!</i> (Международная жизнь, 2018)</p>	<p>- <i>И мне все равно, что по этому поводу думает Брюссельская диктатура. Мне никто не будет говорить, что я должен делать. Простите, пожалуйста, но вообще-то США находятся по ту сторону Атлантики, а Россия – здесь, в Европе.</i></p>
--	---

В приведенном выше примере акцент сместился с того, что Брюссель (штаб-квартира НАТО находится именно там) не имеет права отдавать приказы России из-за того, что США находятся по ту сторону Атлантики, на то, что П. Малиновскому Брюссельская диктатура не указ. То есть с более глобального видения картины мира данная фраза превратилась в то, что историк делает то, что посчитает нужным, даже несмотря на запреты со стороны НАТО. Посыл исходного сообщения поменялся, отчего текст воспринимается иначе. Таким образом было показано негативное отношение господина Малиновского в большей степени, что изначально не закладывалось в его слова. Что касается нарративной структуры, то конфликт происходит на почве несовпадения в получателе. Пьер Малиновский ориентирован на страны Запада, на то, как они слишком тесно сотрудничают с НАТО. СМИ же пытаются воздействовать все на тот же русский народ, отчего в переводе и возникла несостыковка.

<p>45) - <i>Il n'y a pas d'action; ils ne vont pas sur le terrain; ils ne font rien! Ils ont même peur de se rendre en Crimée parce que c'est trop sulfureux!</i> (Международная жизнь,</p>	<p>- <i>Они не предпринимают ровным счетом ничего; они не выезжают на место; они бездействуют! Они боятся даже съездить в Крым, потому что «Вдруг что-то подумает княгиня</i></p>
---	---

2018)

| *Марья Алексевна!*»

В данном переводе было употреблено прецедентное высказывание из «Горе от ума» «Вдруг что-то подумает княгиня Марья Алексевна!» В контексте с Крымом это особенно ярко подчеркивает то, что Запад бездействует и не считает нужным даже попробовать разобраться в сложившейся обстановке, боясь порицания международного сообщества. В оригинале П. Малиновский использовал выражение «*c'est trop sulfureux*». Согласно Larousse, «*sulfureux*» означает «*qui est de la nature du soufre*», то есть примерный перевод «пагубный, ядовитый (если речь идет о змеях), недоброжелательный», в общем, все то, что приносит страдания. Употребление фразы с княгиней Марьей Алексевной является адаптацией под русского читателя, подчеркивая недоброжелательное отношение Запада к российским политикам. В этом случае была применена конкретизация. Что касается конфликта перевода и исходного текста, то СМИ использовали прецедент, чтобы пристыдить недостойное поведение стран Запада, то есть их предателя в формулировке Ж. Греймаса.

46) - <i>Mais chut! Je pense qu'il y a un moyen de pouvoir le rencontrer parce que ça promet d'être un très gros projet!</i> (Международная жизнь, 2018)		- Но о сути пока умолчу! Уверен, что мне удастся вновь его увидеть, потому что речь идет об очень нестандартном начинании.
--	--	--

Господин Малиновский говорит, что проект является одним из самых крупных, над которым он когда-либо работал, именно поэтому он и хочет умолчать об этом, чтобы не выдавать заранее лишнюю информацию. В дальнейшем подробности будут раскрыты, сейчас же просто не время. В переводе указан немного иной смысл: господин Малиновский работает над нестандартным проектом, о котором из-за этой причины и не хочет говорить. Смысл двух сообщений разнится, отчего искажается суть, которую передавал историк на самом деле. В данном случае также употреблена конкретизация.

В плане конфликта нарративной структуры двух рассказчиков это обуславливается тем, что русскоязычные СМИ склонны заинтриговывать читателя. Подобная формулировка и была выбрана с этой целью, так как конечный получатель – именно россиянин.

<p>47) - <i>Et pour moi en fait c'est ici les gens ont compris, comment dire, on va partir de 2014 après la révolution en Ukraine, il y a eu, comment dire, bon il y a eu déjà la Crimée avec un référendum</i> (Новороссия, 2017).</p>	<p>- <i>Конфликты имеют ряд причин, они комплексные, но я вижу, что то, что произошло, когда в 2014 году на Украине произошла, так называемая, революция, то Крым выразил свою точку зрения на референдуме.</i></p>
---	---

В данном случае переводчик добавил слова «так называемая», чтобы сделать последствия этой революции менее значимыми. Нужно учитывать также тот факт, что интервью бралось на территории ДНР, которая имеет натянутые отношения с Украиной. В связи с этим, становится понятно, зачем переводчик прибегнул к приему добавления. Для П. Малиновского Украина не является врагом, поэтому он спокойно говорит о том, что происходит на территории двух государств. Для ДНР же, по Ж. Греймасу, Украина является предателем, что привело к конечному варианту перевода.

<p>48) - <i>La Russie fait partie pour moi enfin de l'Europe, c'est les mêmes traditions, la même culture. Et savoir que ça se passe sur notre continent c'est ça qui est vraiment impressionnant</i> (Новороссия, 2017).</p>	<p>- <i>Русские – это наши братья, потому что у нас те же самые традиции, мы в общем-то, по сути, одной крови, и я вижу вот такие человеческие страдания.</i></p>
---	---

В данном примере была использована конкретизация – вместо «у нас одна и та же культура» переводчик прибегнул к более высокому стилю, использовав фразу «одной крови». Данный прием был использован с целью пробудить в слушателе те самые чувства, которые хотел передать

П. Малиновский. Использование лексики высокого стиля, как и в прошлых примерах, иллюстрирует различия в дестинаторах двух рассказчиков.

2.3. Анализ переводческих решений и их корреляций с различиями в нарративной актантной структуре, свойственной российским СМИ и используемой П. Малиновским

Качественно-количественный анализ переводческих стратегий (методов) прагматической адаптации показал, что чаще всего переводчики использовали метод конкретизации: из 42 случаев прагматической адаптации текста в 19 из них была применена именно она, что составляет примерно 45%; затем следует добавление – 10 случаев (24%), далее генерализация – 8 случаев (19%) и замыкает список опущение – 5 случаев (12%). Ниже представлена диаграмма (рис. 1):

Процентное соотношение использования приемов прагматической адаптации текста

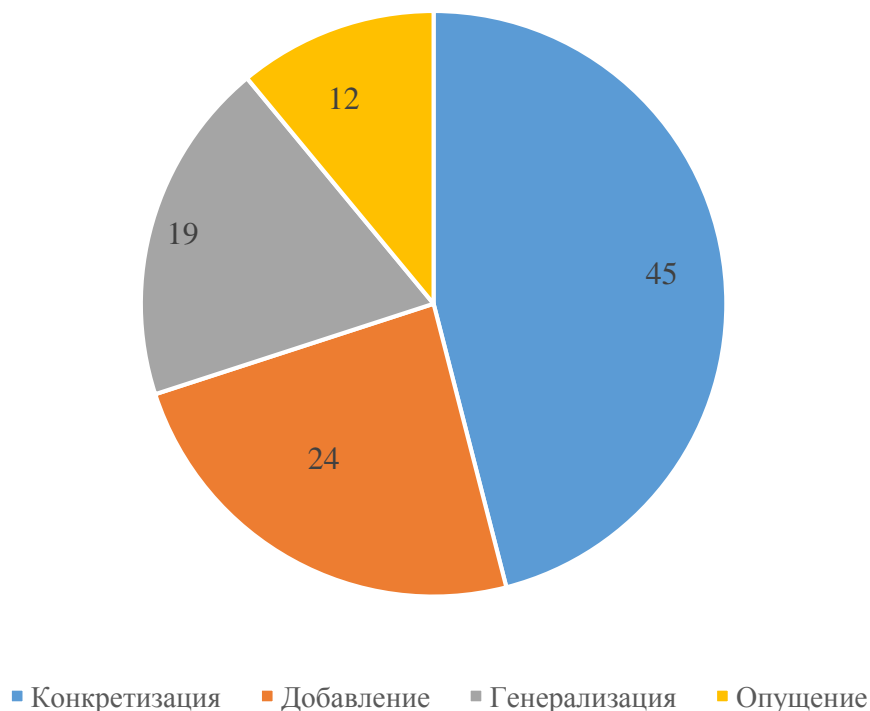

Рисунок 1. Процентное соотношение использования приемов прагматической адаптации текста

На перевод сильное влияние оказывали элементы нарративной структуры текста, а точнее их несовпадение в российских и пророссийских украинских СМИ, с одной стороны, и в дискурсе самого П. Малиновского – с другой. Таким образом при проведении подробного переводческого анализа всех примеров было выяснено, что чаще всего причиной конфликта исходного текста и текста перевода являлось несовпадение дестинаторов двух субъектов повествования – 17 случаев из 41 (41%), далее следует нарративный актант «получатель» – 8 случаев (19%), затем актант «помощник» – 7 случаев (17%), далее «предатель» – 6 случаев (15%) и 3 случая переводческих несоответствий по причине несовпадения субъекта (8%). Диаграмма, представленная, ниже поможет визуализировать данную информацию (рис.2):

Процентное соотношение конфликтов перевода из-за несовпадения элементов нарративной структуры текста

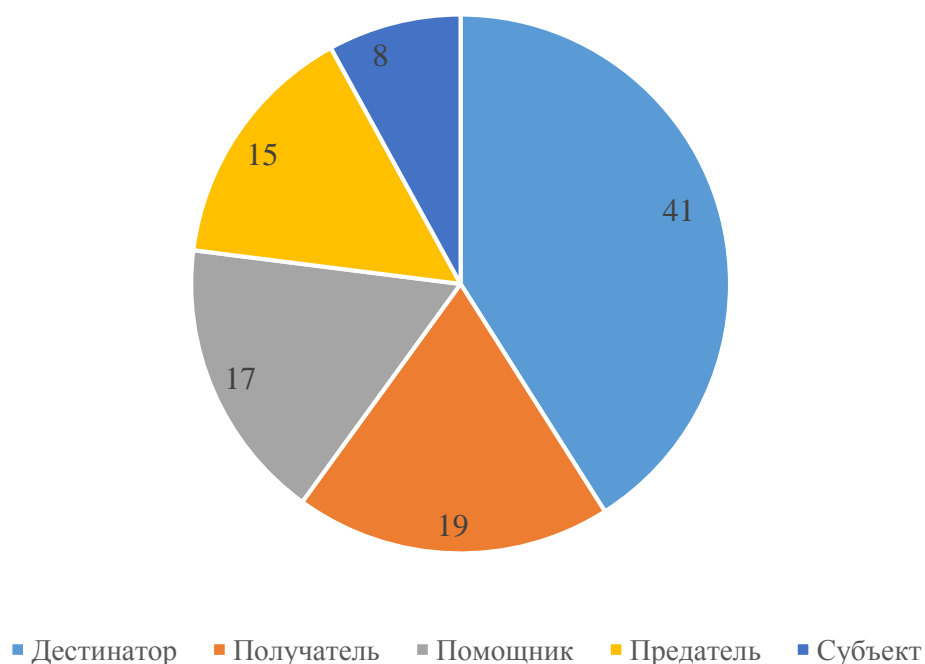

Рисунок 2. Процентное соотношение конфликтов перевода из-за несовпадения элементов нарративной структуры текста

Так как дестинатор является силой, устанавливающей правила и ценности, то такое большое количество прагматических конфликтов между

текстом оригинала и текстом перевода именно по этому критерию является логичным. Если рассмотреть методы прагматической адаптации текста в ситуациях, обусловленных несовпадением дестинаторов, то получим, что из 19 случаев прагматических конфликтов по причине дестинатора 12 раз была использована конкретизация, что выделяет этот метод среди других. Это обуславливается тем, что некоторые элементы, которые в иностранном языке передаются в слишком общем смысле, на русский язык нужно передать с некоторой конкретикой. Например, в выдержках из статей довольно часто в переводе прибегали к лексике высокого стиля, так как она имеет особое влияние на психику человека. Также встречались примеры конкретизации, которая подчеркивала исключительность русского характера, что необходимо для русскоязычных журналистов.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Нарративный анализ, согласно методу описания по Ж. Греймасу, показал, что наполнение 6 нарративных актантов в повествовательных традициях рассказа о судьбе Русского экспедиционного корпуса во Франции, принятых в российских СМИ и в дискурсе французского историка П. Малиновского, отличаются. Если дестинатором для господина Малиновского является стремление найти истину, то для российских СМИ – это, прежде всего, продвижение идеи патриотизма и исключительности русского народа. Повествование СМИ направлено на русский народ, что делает его получателем в нарративной структуре русскоязычных СМИ. Для П. Малиновского получателем является правительство Франции. Что касается пары субъект/объект, то здесь все также имеются отличия: П. Малиновский в своих интервью выступает субъектом повествования, а в качестве объекта выступают раскопки русского экспедиционного корпуса. В случае российских СМИ они ставят субъектом политиков, а объектом является продвижение патриотизма. Следующим пунктом является «помощник». Оба субъекта повествования видят в друг друге именно роль помощника: для археолога им выступает Россия, так как она помогает осуществлять поставленные им цели, а для русскоязычных СМИ – сам П. Малиновский. Последним актантом является «предатель». Как такового предателя у Пьера Малиновского нет. Однако СМИ выставляет предателем Запад, обвиняя их в нечестной политике.

Проведя анализ примеров из интервью, можно сделать вывод о том, что отличия в содержании нарративного актанта «дестинатор» в повествовательных схемах, используемых российскими СМИ и французским археологом, являются самой частой причиной конфликта между переводом и исходным текстом (в 47% случаев). Поскольку дестинатор является силой, устанавливающей правила и ценности в нарративе, его роль предсказуемо оказывается ведущей в прагматической организации как текста оригинала,

так и текста перевода, но поскольку содержание этих ценностей отличается в двух нарративных традициях – русской и французской – при переводе неизбежны искажения.

Другой важной составляющей, оказывающей влияние на выбор переводчиком переводческих решений, является нарративный акт «помощник», в качестве которого П. Малиновский рассматривает Россию, а российские СМИ – самого историка. Вследствие чего возникают смысловые и прагматические конфликты между текстами оригинала и его переводом на русский язык.

Таким образом, разное содержательное наполнение нарративных структур в повествовании российских СМИ и интервью П. Малиновского оказывает влияние на выбор методов (стратегий) прагматической адаптации текста. Наиболее частой стратегией, применяемой для прагматической адаптации переводного текста, как показал анализ, является конкретизация (45%). Именно данная стратегия позволяет переводчикам наиболее продуктивно осуществлять «трансфер» между различными по наполнению нарративными структурами: трактуя более семантически размытые клише и пассажи при помощи конкретных, частных примеров в сочетании со сменой регистра и тональности речи, переводчики осуществляют прагматическую адаптацию, обрамляя общее содержание сказанного релевантной для современного российского общества и идеологически приемлемой рамкой.

В ходе анализа было отмечено, что прагматическая адаптация повествования о действиях Русского экспедиционного корпуса, о его истории, осуществляемая переводчиками, часто существенно меняет смысл переводимого, вплоть до противоположного.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе мы, прежде всего, рассмотрели понятие медиатизации с позиций западной и отечественной лингвистики. Под медиатизацией в нашем исследовании понимается «процесс и результат глобального воздействия на мышление индивидов при помощи различных медиа, выражающегося в формировании картины мира посредством специфических медийных когнитивов».

Объектом медиатизации в современных российских и зарубежных СМИ, занимающим центральное место в нашем исследовании, является судьба Русского экспедиционного корпуса во Франции во время Первой мировой войны.

С данным событием связано имя бывшего военного, историка и археолога П. Малиновского, который занимается раскопками корпуса. Мы пришли к выводу, что в России события тех дней мало освещались СМИ, но в последнее время, благодаря господину Малиновскому, информация о раскопках корпуса, о его истории активно представляется отечественными масс-медиа. Повествования об этом событии печатаются как в российской, так и во французской прессе. В большинстве случаев рассказ ведется от лица П. Малиновского, у которого активно берут интервью российские издания, его приглашают на радио и на телевидение. Поскольку историк не владеет русским языком, его речь (устная и письменная) становится объектом перевода, а, следовательно, и объектом применения переводческой стратегии адаптации текста.

Теоретический анализ литературы позволил выделить четыре типа методов (стратегий) прагматической адаптации текста: конкретизация, генерализация, опущение и добавление, а также комментарии, которые иногда необходимы для пояснения смысла.

Отталкиваясь от того, что в процессе медиатизации событие военной истории становится объектом повествования, нарратива, мы обратились к

анализу того, как повествуется о нем в российских СМИ, и как говорит об этом П. Малиновский. Проведя сопоставительный нарративный анализ по Ж. Греймасу, согласно методике описания, шести нарративных актантов (дестинатор, получатель, субъект, объект, помощник и предатель), мы определили, что содержательное их наполнение в российских и французских нарративах о судьбе Русского экспедиционного корпуса существенно отличается. Эти данные позволили перейти к следующему шагу в практической части исследования и провести сопоставительный анализ исходного текста и текста перевода, выявляя прагматические различия.

После проведения анализа примеров из интервью мы пришли к следующему заключению: самой частой причиной конфликта между переводом и исходным текстом (47% случаев) являются различия в элементе нарративной структуры «дестинатор», так как именно этот элемент является силой, устанавливающей правила и ценности в нарративе. Вследствие этого, его роль оказывается ведущей при формировании прагматической структуры как текста на исходном языке, так и текста перевода, однако, при переводе невозможно избежать трансформаций, так как содержание ценностей в двух нарративных традициях (русской и французской) имеют значительные отличия.

Нарративный элемент «помощник» также является важной составляющей при подборе переводческих стратегий переводчиком. Сам археолог рассматривает Россию как помощника, когда как русскоязычные СМИ ставят на это место П. Малиновского. По этой причине и возникают смысловые и прагматические конфликты между исходным текстом и переводом на русский язык.

Вследствие того, что нарративные структуры субъектов повествования в лице П. Малиновского и русскоязычных СМИ имеют разное содержательное наполнение, данный факт оказывает большое влияние на выбор методов (стратегий) прагматической адаптации текста. Как показал анализ, конкретизация является самым частым методом, к которому прибегал

переводчик при переводе текста с французского на русский язык (45% случаев). Это обуславливается тем, что данная стратегия позволяет наиболее эффективно осуществлять «трансфер» между различными по содержанию нарративами. Таким образом, с помощью данной стратегии трактуются размытые клише и пассажи, которые характерны для французского языка, более конкретными и частными примерами в сочетании с подбором подходящего стиля речи, а также тональности, – переводчики осуществляют прагматическую адаптацию, привнося в текст релевантную и идеологически верную информацию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абенсур Ж. Русский экспедиционный корпус во Франции во время Первой мировой войны // Новейшая история России / Modern history of Russia. 2014. №3 С. 74–85.
2. Агеева Г.М. Медиатизация памяти: мемуарные свидетельства в блогах и социальных сетях // Вестник Томского государственного университета №363. 2012. С. 68–74.
3. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
4. Греймас А.Ж. Структурная семантика: Поиск метода / Пер. с фр. Л. Зиминной. М.: Академический проект, 2004. 368 с.
5. Дукин Р.А. Медиатизация современного общества: влияние социальных медиа // Теория и практика общественного развития №2. 2016. С. 24–26.
6. Зайцева А. Спектакулярные формы протеста в современной России: между искусством и социальной терапией // Неприкосновенный запас. 2010. № 4. С. 162–170.
7. Засурский И. Масс-медиа второй республики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. 190 с.
8. Зверева Г. «Работа для мужчин?»: Чеченская война в массовом кино России // Неприкосновенный запас № 6 (26) [Электронный ресурс]. 2002. URL: goo.gl/GRYssc (дата обращения: 07.02.2019).
9. Землянова Л.М. Сетевое общество, информационализм и виртуальная культура // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 1999. №2. С. 58–69.
10. Идлис Ю.Б. Рунет: сотворенные кумиры. Москва: Альпина нон-фикшн, 2010. 584 с.

11. Карабаева А.Г. Нарратив в науке и образовании // Инновации и образование: Сборник материалов конференции. Серия «Symposium», вып. 29. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 89–96.
12. Кассирер Э. Политические мифы // Реклама: внушение и манипуляция. М., 2001. 386 с.
13. Кириллова Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. М.: Академический Проект, 2004. 428 с.
14. Кириллова Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Академ. проект, 2006. 448 с.
15. Клушина Н.И. Культура в медиaprостранстве: структура и эффекты // Масс-медиа и массовые коммуникации: статус научных и учебных дисциплин: Первый Междунар. науч. коллоквиум., Белгород, 26-27 сентября 2013 г.: сб. науч. работ. Белгород, 2013. С. 37–42.
16. Кожемякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. «Гуманит. науки». Вып. 11. 2010. №2 (73). С. 13–21.
17. Козлачков А.А. «Лучшая рецензия на «Афганский излом» [Электронный ресурс]. URL: goo.gl/8MeVtn (дата обращения: 05.02.2019).
18. Козлова Е.Г. Медиатизация культуры и мифы современности // Современные исследования социальных проблем. 2015. №8 (52) С. 429–437.
19. Колмогорова А.В. Персонаж славянского героического эпоса «богатырь» как продуктивная идеологема русского патриотического дискурса XIX – XX вв. // Человек: образ и сущность. 2019. № 2. (в печати).
20. Коломиец В.П. Медиатизация – социальный тренд // Философия коммуникативного пространства: расширяя галактику: материалы Междунар. науч.-практ. конф. к 100-летию со дня рождения Г.М. Маклюэна. М., 2012. С. 51–56.
21. Комиссаров В.Н. Перевод и языковое посредничество [Электронный ресурс]. URL: goo.gl/tT9atW (дата обращения: 13.02.19).

22. Комиссаров В.Н. Перевод и интерпретация // Тетради переводчика. Вып. 19. М., 1982. С. 3–19.
23. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
24. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 1999. 424 с.
25. Латышев Л.К. Технология перевода. М.: Академия, 2008. 320 с.
26. Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева, закл. ст. М. Вавилова. М.: Жуковский: Канон-Пресс-Ц, 2003. 464 с.
27. Негодаев И.А. Информатизация культуры. Ростов н/Д: Книга, 2003. 319 с.
28. Нойберт А. Прагматические аспекты перевод // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сб. статей. М.: Международные отношения, 1978. С. 185–202
29. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Философия. Эстетика. Культура. М.: Мысль, 1993. 347 с.
30. Паланик Ч. Колыбельная: [роман] / Чак Паланик; пер. с англ. Т.Ю. Покидаевой. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2007. 285 с.
31. Почепцов Г.Г. Медиатизация и ее последствия для социального управления [Электронный ресурс], 2016. URL: goo.gl/pcLh2r (дата обращения: 07.02.19).
32. Рогозина И.В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект: дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2003. 289 с.
33. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса / Пер. с англ. Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009. 356 с.
34. Федоров А.В. Медиаобразование: история, теория и методика. Ростов н/Д: Изд-во ЦВВР, 2001. 706 с.
35. Фромм Э. Бегство от свободы: Пер с англ. / Общ. ред. и послесл. П.С. Гуревича. М.: Прогресс, 1989. 272 с.

36. Цуладзе А. Политическая мифология. М., 2003. 384 с.
37. Чельшева И.В. Методы работы с медиатекстом: философские аспекты проблемы // Медиафилософия / под ред. В.В. Савчука. СПб.: Изд-во СПб. филос. о-ва, 2008. С. 325–329.
38. Чистякова В.О. Отечественное военное кино 1911–2011 годов: медиатизация памяти // Журнальный клуб Интелпрос «Культурологический журнал» №3 [Электронный ресурс], 2012. URL: goo.gl/Ey26op (дата обращения: 07.02.19).
39. Шаронов Д.И. О коммуникативном смысле медиатизации // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2008. № 2. С. 234–239.
40. Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. М., 1996. 288 с.
41. Юнг К.Г. Диагностируя диктаторов // Одайник В. Психология политики. М., 1996. 345 с.
42. Adam R. Histoire des soldats russes en France (1915-1920): Les damnés de la guerre. Paris, 1996. 383 p.
43. Altheide D.L., Snow R. P. Media Logic. Beverly Hills, CA: Sage. 1979. 279 p.
44. Altheide D.L. The news media, the problem frame, and the production of fear. Arizona State University, 1997 The Sociological Quarterly, Vol. 38, № 4. P. 647–668.
45. Altheide D.L. Creating fear. News and the construction of crisis. New York, 2002. 189 p.
46. Altheide D.L. Terrorism and the politics of fear. Lanham, 2006. 264 p.
47. Couldry N. Mediatization or mediation? Alternative understandings of the emergent space of digital storytelling. New Media Society. 2008. Vol. 10 (373). 376 p.
48. Danilov Yu.N. La Russie dans la guerre mondiale. Paris, 1928. 210 p.
49. Deuze M. The web and its journalism: considering the consequences of different types of newsmedia online. New Media & Society. 2003. Vol. 5 (2). P. 203–230.

50. Domingo D., Le Cam F. Journalism In Dispersion. Digital Journalism. 2014. Vol. 2 (3). 311 p.
51. Ferro M. 1917, les hommes de la révolution. Paris, 2011. 119 p.
52. Hout T.V., Burger P. Mediatization and the language of journalism. Tilburg Papers in Culture Studies. 2015. 12 p.
53. Livingston S. On the mediation of everything: ICA presidential address. Journal of communication 59 (1). 2008. P. 1–18.
54. Noulens J. Mon ambassade en Russie soviétique. Paris, 1933. 300 p.
55. Reed J. Dix jours qui ébranlèrent le monde. Paris, 1967. 469 p.
56. Английский толковый словарь The Free Dictionary [Электронный ресурс]. URL: goo.gl/BNUsmd (Дата обращения: 20.05.2019).
57. Кембриджский англо-русский словарь Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: goo.gl/mYqtL5 (Дата обращения: (20.05.2019).
58. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Оникс. 2005. 1200 с.
59. Русско-английский словарь АБВУУ Lingvo [Электронный ресурс]. URL: goo.gl/NdW28 (Дата обращения: 29.05.2019).
60. Larousse. Dictionnaire français [Электронный ресурс]. URL: <https://bit.ly/2GQihcr> (Дата обращения: 5.06.2019).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА И ИХ СОКРАЩЕНИЙ

1. Sokolovskaïa, 2017 – Sokolovskaïa M. Grande guerre: les restes d'un soldat russe découverts en France // Russia Beyond [Электронный ресурс], 24 Janv 2017. URL: <https://bit.ly/2WiEA7s> (Дата обращения: 25.05.2019).
2. Gorokhoff, 2016 – Gorokhoff G. Le Corps expéditionnaire russe, cent ans de légende // Russia Beyond [Электронный ресурс], 12 Mai 2016. URL: <https://bit.ly/2MCXlhx> (Дата обращения: 25.05.2019).
3. Tchobanov, 2013 – Tchobanov M. La mémoire des soldats russes ayant combattu sur le sol français lors de la Première Guerre mondiale à l'honneur à Paris // Russia Beyond [Электронный ресурс], 15 Nov 2013. URL: <https://bit.ly/2MkpUQl> (Дата обращения: 25.05.2019).
4. Tchobanov, 2013 – Tchobanov M. Le Corps expéditionnaire russe en France, naufragé des livres d'histoire // Russia Beyond [Электронный ресурс], 9 Nov 2016. URL: <https://bit.ly/2WCZQUt> (Дата обращения: 25.05.2019).
5. Kouzmina, 2017 – Kouzmina M. Cent ans après, un soldat russe tombé pour la France enfin inhumé // Russia Beyond [Электронный ресурс], 23 Mars 2017. URL: <https://bit.ly/2W7kNCM> (Дата обращения: 25.05.2019).
6. De Kochko, 2014 – De Kochko D. Le rôle pivot de la Russie // Russia Beyond [Электронный ресурс], 17 Juin 2014. URL: <https://bit.ly/2Arkx8t> (Дата обращения: 25.05.2019).
7. Pravda Interview, 2017 – La légion russe en France: cent ans après la France se souvient. L'interview de Pierre Malinowski à Pravda.ru [Электронный ресурс], 30 Jan 2017. URL: <https://bit.ly/2wtLnMb> (Дата обращения: 25.05.2019).
8. Sputnik Interview, 2018 – À Moscou, la Fondation franco-russe des initiatives historiques voit le jour. L'interview de Pierre Malinowski à Sputnik

France [Электронный ресурс], 24 Oct 2018. URL: <https://bit.ly/2QBUF1U> (Дата обращения: 25.05.2019).

9. Международная жизнь, 2018 – Интервью Пьера Малиновского изданию «Международная жизнь», 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://bit.ly/4H0okzr> (Дата обращения: 25.05.2019).

10. Новороссия, 2017 – Путь правды. Интервью Пьера Малиновского телеканалу НовороссияТВ. [Электронный ресурс]. URL: <https://bit.ly/2Z0yghx> (Дата обращения: 25.05.2019).

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Военно-инженерный институт
Цикл лингвистического и информационного обеспечения
45.05.01 «Перевод и переводоведение»

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯиПЛ
А. В. Колмогорова

« 05 » _____ 2019 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

**ВЛИЯНИЕ НАРРАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ
ТЕКСТА ОРИГИНАЛА И ТЕКСТА ПЕРЕВОДА НА
ВЫБОР ПРАГМАТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА
В КОНТЕКСТЕ МЕДИАТИЗАЦИИ СОБЫТИЯ
ВОЕННОЙ ИСТОРИИ**

Выпускник

Д.А. Карзов

Научный руководитель

док. филол. наук,
проф. А.В. Колмогорова

Нормоконтролер

В.В. Ефимова